ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ
ДУРМАН ДЛЯ ЗВЕРЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Галина Валентиновна Чередий

Дурман для зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48501612
SelfPub; 2020

Аннотация

История внезапной испепеляющей страсти, одержимости без малейшего проблеска романтики у истока. Неистового желания, которому, казалось бы, не из чего было вырасти, но оно связало и тянет стальными канатами друг к другу двоих, невзирая на то, что между ними жестокость и ни единой капли симпатии. Она сожгла его дом. Он украл у нее власть над желаниями. Ну и кто в итоге понес больший ущерб? ХЭ обязателен. В оформлении обложки использована фотография с сайта depositphotos по стандартной лицензии. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 13
Глава 2 19
Глава 3 26
Глава 4 36
Глава 5 46
Глава 6 55
Глава 7 65
Глава 8 74
Глава 9 83
Глава 10 91
Глава 11 102
Глава 12 113
Глава 13 123
Глава 14 133
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Пролог

– Майк, а Майк! Ну ты прям от этого платья не отлипнешь! – хихикнула низенькая скуластая девушка, беспечно болтавшая босыми ногами сидя на подоконнике.

– Так красота же! – вздохнула другая, повыше и постарше, но такая же смугленькая, с раскосыми темно-карими глазами. – Жаль, что всего разок в таком походить. Вот же несправедливость!

– Чего ж тут несправедливого? – удивилась младшая. – Ты же за Марата навсегда замуж собралась или так, на пару годиков?

– Чё болтаешь, голова твоя пустая! Люблю я его… да и где у нас парня лучше-то найдешь?

– Так не найдешь или любишь? – хитро прищурилась мелкая.

– Балда! Я тебя сейчас подушкой тресну! – беззлобно пригрозила старшая.

– А на второй день что?

Распахнув полированный шифоньер, будущая невеста продемонстрировала нежно-голубое платье до колен. Много рюш и роскошное солнце юбки, вызвавшее восхищенно-завистливый вздох подруги.

– Ну-у-у… ах! Не пожалели твои денег!

– Папаня хорошо зашабашил летом, и я у него как-никак

одна, да и замуж один раз и навсегда и не абы за кого…

– Поняла-поняла! – рассмеялась подруга.

– Майка! – донесся мужской голос со двора. – Доча!

– Чего, папань?! – откликнулась девушка, высовываясь в окошко, подвинув подругу.

– Слышь, тут Линка с Катькой мимо двора из лесу шли. Так у них корзинки белыми аж через верх! И говорят, в Лисьем яру их тьма вылезла! Может, смотаетесь мухой с Ленкой, уж больно жаренки грибной охота.

– Пап, так уже почти обед, и до тудова дороги почти два часа, – скривилась девушка. – Может, с утра?

– Как знаешь, – тяжело вздохнул мужчина средних лет. – Но аж слюнями изошел, как глянул. Боровиков-то еще в этом году и не родилось.

– Майка, пойдем! – стала убеждать ее подруга. – Чего нам, туда бегом с пустыми корзинами за час домчим. И оттуда дорогу-то как свои пять пальцев знаем, ни за что не заплутаем. И еще девчонки говорили, в Лисьем уже пару дней городские какие-то туристы палатки поставили. Парни вроде как красивущие – где там нашим.

– Да мне-то от них что? – отмахнулась Майка.

– Ну тебе-то и правда без надобности, а у меня-то жениха нет.

– Ой, помечтай еще о городских. Сдались мы им, – посмеялась невеста, но стала собираться.

***

Колючая еловая ветка хлестнула по лицу бегущей в панике Майке, едва не лишая зрения в и без того почти совсем сгустившихся сумерках.

– Помогите! – закричала уже охрипшая и обессилевшая девушка, задыхаясь от долгого бега.

Но вместо дарящих надежду человеческих голосов сзади, как издеваясь, опять завыли ее преследователи. Три невиданно огромных волка, что гоняли ее уже не первый час, почему-то не нападая, но и не давая остановиться или повернуть в сторону ближайшего жилья. Словно забавлялись с ней, играя с ее паникой, как обычные псы с палкой.

– Кто-нибу-у-удь! – завопила девушка, и, будто наказывая, один из волков почти нагнал ее и даже схватил за уже изодранную штанину спортивного костюма.

Завизжав, Майка из последних сил рванула вперед, оставляя в страшных челюстях клочок ткани, и через минуту под ногами зачавкало.

Болото! Ноги стали стремительно проваливаться, и вскоре девушка оказалась по пояс в грязной воде, все еще не ощущая твердого дна. Неужто ей суждено утонуть? Назад не повернуть. Волки хоть и не лезли за ней в болото, но и никуда не уходили, бегали туда-сюда по сухому, лязгали зубами, подвывали и поскуливали. Правда, теперь их уже осталось

только двое, но на нее одну и их с лихвой. Где несчастная подруга, Майка боялась и подумать, вдруг уже лежит где-то бездыханная рядом с брошенными от испуга корзинками, наполненными отборными грибами, будь они неладны.

Замерев в холоднющей воде, девушка стала быстро замерзать. Залязгала зубами и разревелась от страха и отчаяния.

– Убирайтесь! Пошли вон! – начала она швырять комками водных растений в волков, но тем все ни по чем. Только себя еще больше и обливала.

– Я не хочу умира-а-ать! Не хочу-у-у! Папа-а-а! Мара-а-ат!

– А ну пошли отсюда! – рявкнул с берега незнакомый мужской голос, и только тогда потерявшаяся в своем ужасе девушка заметила крупную мужскую фигуру с фонарем в одной руке и здоровенной сучковатой палкой в другой. – Прочь сказал!

– Помогите! – прошептала Майка, не находя уже сил для крика, но ее услышали, и вскоре крепкие руки подхватили девушку, вынося из стылой воды.

– Как ты, малыш? – приветливо спросил незнакомый светловолосый парень с ослепительной улыбкой, и даже такая замерзшая и насмерть перепуганная девушка оторопела от нее. Таких, как он, она в своей глухомани в жизни не видала. – Потерпи, сейчас отмоем, переоденем, согреем. Все кончилось, не плачь.

Спустя час вымывшаяся по-быстрому в ручье Майка си-

дела, завернувшись в одеяло, у костра, одетая в чужие мужские вещи. В руках у нее парила большая кружка с чаем и чем-то еще, судя по тому, как все сильнее плыло в ее голове и она болтала без умолку, тогда как незнакомец слушал и пристально смотрел на ее губы. А ей нравился этот тяжелый голодный взгляд, и не было страшно отчего-то, только все легче и жарче, и внутри что-то тянуло… переворачивалось… просило… Какой же он… Такие бывают ли?

Не говоря все так же ни слова, не назвав даже своего имени, парень наклонился к ее лицу и поцеловал. Не нежно, как делал жених, приноравливаясь сначала. Нет, сразу властно, захватывая, подчиняя и превращая томление и трепет в девушке в полноценную бурю. Она покорно застонала, обвила его шею, открываясь его чувственному нападению безоговорочно. Не было ничего и никого, только целующий ее рот и ласкающие руки. И не единым словом она не протестовала, когда незнакомец подхватил ее и унес в стоявшую тут же палатку.

***

Ранним утром ошалевшая и растрепанная девушка вылезла из палатки и в панике посмотрела на свое обнаженное тело. Что же натворила! Да что на нее нашло вообще? Как жить теперь?

Схватив с рогатин из веток у костра свои развешенные

вчера незнакомцем для просушки изрядно потрепавшиеся вещи, Майка торопливо натянула их и, воровато оглянувшись один раз, бросилась бежать. Теперь, в свете начинающегося дня, она легко узнала дорогу домой и спешила скрыться с места своей безумной ночной ошибки.

Едва беглянка исчезла в чаще, из-под брезентового полога выбрался и обнаженный молодой мужчина. С наслаждением потянулся, самодовольно ухмыляясь ей вслед.

– Да выходите вы уже! – сказал он кому-то через плечо, и на поляне появились еще двое парней.

– Ну и что, как селяночка? – порочно оскалился один из них. – Хоть стоила нашей беготни?

– Стоила, – практически облизнулся соблазнитель. – Я бы ее и с собой забрал, поиграл бы еще. Невинная ведь, а горячая – огонь прям. Да она у нас невеста. Вон как обратно к жениху-то ломанулась. Ну да и черт с ней! Мало их, что ли?

– А давайте уже сворачиваться, – предложил последний участник компании. – Побегали, покуражились, и хорош. А то раз жених, как бы к нам местные мстители за поруганную честь не нагрянули. Оно нам надо – кишки по кустам развешивать?

***

– Доча! – отец бросился навстречу Майке, осунувшийся за ночь и посеревший, перехватив ее на подходе к деревне. –

Живая!

– Па-а-а! – взвыла девушка, повисая на его шее.

– Цела ли?

Но девушка в ответ только рыдала. Отстранив, отец стал нервно ощупывать ее руки, ноги, повсюду выискивая следы травм. Где-то в лесу раздавались людские голоса. Ее искали всем миром, после того как Ленка примчалась домой под утро, исцарапанная и почти обезумевшая от страха. Ищущий взгляд родителя остановился на шее дочери, где четко проглядывали розоватые пятна. Взрослый мужчина слишком хорошо знал, что они означают.

– Снасильничал кто? – встряхнул девушку за плечи. – Кто? Скажи! Удавлю тварь!

– Не… не-е-ет! – пуще прежнего завыла девушка и уткнулась в родительское плечо, умирая от стыда и раскаяния. – Сама я, пап. Не знаю… не знаю, как вышло… но сама.

Отец стоял недвижимым изваянием с минуту, тяжело дыша и глядя куда-то за спину дочери. Но вздрогнул, когда голоса кого-то из ищущих его дочь раздались слишком близко.

– Что же, было и было, Майка. Все мы люди, – наконец тяжело уронил он. – Сейчас домой бегом, отмойся и в постель. Марату ни слова.

– Но как же… – опешила девушка.

– Ни слова я сказал! И вообще никому! До свадьбы шесть дней. Авось, обойдется все.

***

Десять лет спустя

– Айка, а ну выходь, дрянь мелкая! – ревел крупный мужик в ночную темень, покачиваясь и угрожающе щелкая сложенным вдвое широким ремнем. – Выходь сама давай! Найду – хуже будет!

– Марат, родимый, пойдем в дом, – осторожно приблизилась к нему изрядно пополневшая и сдавшая внешне Майка. – У меня вон и ужин стынет давно, и чарку тебе налью…

– Еще б ты не налила, блудня брехливая! – огрызнулся мужик. – Где дочь твоя, говори давай! Я ей этих гусей не прощу! Шкуру спущу за убыток.

– Да ребенок же доченька наша, крыльев нет, ну что она могла сделать, что они поднялись, да понеслись куда по речке!

– Я тебе, зараза, сколько раз велел мне твою ублюдину нагулянную не привешивать? – переключив свой гнев, Марат двинулся в сторону жены, замахиваясь. – Да мне каждый встречный поперечный уже в глаза колет, что в Айке от меня ни кровинки нет!

Послышался звук хлесткого удара и женский вскрик.

– Шалава беспутная! Позорище! Я же любил тебя!

– Прости, родненький. За все прости! – взвыла женщина.

– Да ни в жизнь! Любил, как дурак любил!

– Прости, не было ничего. Врут все! Твоя Аяна!

– Да не бреши! Убью ведь паскуду!

– Убей, а я тебя все одно люблю и никогда не изменяла.

Звуки ударов, рыдания и пьяное бормотание слились в сплошной невыносимый шум, и хрупкая девчонка, затаившаяся в малиннике за сараем, привычно зажала уши, чтобы не слышать всего этого снова.

Глава 1

«Не вздумай «забыть» о своем приезде в пятницу! Будут Мазуровы!» – гласило сообщение от матери, вызывая у меня нечто сильно напоминающее зубную боль. Будто бы я мог забыть, даже если очень этого хотелось, учитывая ее напоминалки всеми возможными способами. Зверь раздраженно заворочался внутри, поддерживая мое настроение. Как будто имел на это право, похотливая скотина. Забыл, кто нас в это все втравил, а? Это же ты, придурок мохнатый, решил впервые вылезти на свет, дабы поприветствовать эту Алану Мазурову, сообщая всем, что она твоя пара. Теперь сколько веревочке не виться, а жрать последствия до конца жизни предстоит. Причем в основном мне, как бы с души ни воротило. А вот главное с чего? Как же древняя теория об идеальном совпадении истинных пар и их безусловном влечении друг к другу? Ладно, влечение было, нормальное такое, но в семнадцать у тебя стоит почти на все, у чего есть сиськи, даже на чертовы манекены в магазинах иногда вставал. И покувыркались мы тогда с Аланой знатно. Слава Луне, что без далеко идущих последствий, но после… куда все девалось? И красивая она, чего уж там, и в постели тигрица, а вот не хочу и все тут. Короче, желания нет, а вот обязательства есть, и чует моя задница, что близится тот час, когда нашим семьям надоест ждать моего «созревания». Собьют на землю

недозрелым и запихнут в брак, не спрашивая готовности.

Телефон снова задергался на гладкой стеклянной столешнице, выдавая оповещение об открытии дверей в доме в Малиновке, и я поморщился раздраженно. Опять Родька небось притащил туда кучу своих прихлебателей и расфуфыренных шкур, считающих себя, типа, порядочными девушками, чтобы покуражиться вдали от родительских глаз, а, между прочим, сегодня никакой не выходной и кое-кто еще на работе. Придурок малолетний. Ладно, уже давно не малолетний, но возраст не предполагал и пропорционального собственному прибытию процесса увеличения наличия мозгов и чувства хоть какой-то ответственности. Уж не в случае с моим младшим долбоклюем братцем точно. Ну а, с другой стороны, не насрать ли мне на него? Это обязанность родителей, решивших, что им необходим еще один отпрыск «для сохранения семьи», теперь заморачиваться его воспитанием. Вот первый и основной пример «счастья» в проклятых истинных парах, коими и были наши родители. Как, вылупив еще одного совместного ребенка, вообще можно сохранить семью, где два человека давно друг другу поперек горла и ходят налево? И все только потому, что «истинные не расходятся». Мне не понять, да и пытаться не собираюсь.

Подняв глаза от монитора, нахмурился, заметив, что за окном уже стемнело. Переписку же с особо много о себе воображающей заказчицей, желавшей непосредственного общения с «кто у вас самый главный», давно закончил. Дура.

Как все бабы. Хоть какой породы. Вот ни шиша не понимаешь ты в организации охраны, методах, новшествах в нашей среде, так какого хера лезешь, умничаешь? Дал тебе твой богатый папик бабок на «свой бизнес» и мои координаты для организации безопасности – пользуйся и не звезди попусту. Мужик-то знает, к кому тебя, идиотку, отправить.

Черт, надо пойти в клуб, хлопнуть хорошенько коньяку, снять телку с упругой задницей и сиськами, отодрать ее пару раз в мотеле неподалеку – и полегчает. Или уехать подальше в лес и побегать хоть пару часов на четырех, вместо двух. Гадство. Когда я давал волю хоть одному зверю в последний раз? Все некогда. Что-то прям бесит все, будто сам уже баба в ПМСе.

Телефон опять ожил, загудев и затрясшись на беззвучном, и я увидел улыбающуюся рожу Родьки на экране.

– Да?

– Ты только не психуй, брателло, – пьяненько загундел он. – Ну не успел я вызвать уборщиков после выходных, но завтра как штык…

– Ты о чем? – раздраженно рыкнул я.

– Ну об этой хибаре в Малиновке же! – повысил он голос. – Мне оповещение пришло об открыти… Бля-я-я-я-я! Это не ты там? Кто-то из предков? Мне пиз…

Я сбросил его и быстро вошел в приложение, подключаясь к камерам в загородной двухэтажной избушке. Ни я, ни родители там не бывали уже лет сто, оставив этот дом как

площадку для блудливых игрищ младшенькому Уварову. Но давным-давно я установил системы видеонаблюдения везде и всюду в принадлежащей семье недвижимости. Было бы странно, если бы владелец самого мощного холдинга безопасности в этой части страны этого не сделал.

В первый момент я даже не совсем понял, что вижу на дисплее. Что это за хрень вообще? Какие-то хаотично скачущие по диванам в гостиной тощие фигуры в мешковатой невзрачной одежде, да еще и почему-то с медицинскими масками на харях. Чисто черти вырвались из ада. А в руках что? Баллончики с краской? Ну твою же в качель! В дом вломились какие-то, мать их, обдолбыши и теперь бесновались там, разнося и обгаживая все подчистую. С таким мне уже случалось сталкиваться по роду деятельности. Ошизевшие от бесконтрольности подростки периодически устраивали нечто подобное, оставляя после себя руины. Гребаные вандалы! Это что за пакостный прикол такой, влезть в приличный дом и все засрать? Убью, нах! Своими руками прям и придушу, глотки поразрываю и крови нахлебаюсь. Это же позорище какое будет, если все узнают, что влезли не в какой-то там дом, а в, считай, мой. Что это за сапожник без сапог, главный, сука, безопасник половины России, к которому смогли прощемиться эти мелкие паразиты.

– Вдовин! – рявкнул я в трубку в ярости. – Живо дежурную группу поднимай, и дуйте на всех парах в мой дом в Малиновке! Знаешь где?

– Как не знать, шеф, – пробасил мне в ответ зам по оперчасти. – Проблемы?

Я в двух словах обрисовал ситуацию.

– Привезешь мне этих ушлепков в Карский! – приказал я, выключая компьютер.

– Наказывать будешь? – хмыкнул он.

– Еще как! Глаза на жопу натяну, руки поотрываю и туда же засуну и дерьмо потом жрать заставлю!

– Одобряю!

– Только смотри, чтобы никаких ментов, – напутствовал я. – Нам их вмешательство ни к чему. А то вдруг детишки каких-нибудь крутых недородителей. Мешки этим пидорам на морды натяните и свои рожи не забудьте…

Эх, погано, что Малиновка – все же человеческий загородный поселок. Был бы нашей территорией, я бы прямо там охоту на баранов этих устроил. Загоняли бы их как дичь.

– Да я ж не первый раз замужем, шеф! – почти огрызнулся подчиненный, прерывая связь.

А я надел пальто, спустился на лифте на первый этаж и остановился на пару секунд перед зеркальной стеной в холле, любуясь собственной кровожадной ухмылкой и тем, как светлеет хищно радужка, а зрачок вытягивается. Зверь заворочался под кожей, заворчав в предвкушении, кулаки уже прямо чесались, ногти ныли, а внутри так и кипела жажда сжимать цыплячьи шейки этих прыгучих козликов, и в голове рисовались сценарии наказания один гнуснее другого.

Я вас, животные вы малолетние, навсегда научу уважать чужую частную собственность. Так что секс на сегодня отменяется – будет другой выход накопившемуся раздражению. И это даже круче. Давненько я своими руками никого жизни не учил. Даже подзабыл, как это. Все такие сейчас цивилизованные стали, аж тошно. Чуть что – в суды бегут. А мы так, по старинке, без судов и следствий обойдемся. И совсем не факт, что вообще чему оттуда бежать останется.

Но уже на подъезде к Карскому меня настиг облом. Вдовин позвонил, чтобы мрачным тоном мне сообщить, что к моменту их прибытия в Малиновку дом полыхал вовсю, а соседи вызвали пожарных, так что по-тихому, похоже, не выйдет.

– Ни слова никому, что сначала был взлом и только потом пожар! – зарычал я.

Даже если мелкие ублюдки сейчас горят там, то туда им и дорога! Репутация фирмы дороже каких-то оборзевших сопляков. А вот если не горят… Вот тогда мы их из-под земли достанем и на ленты порежем. Так что, возможно, это и не облом, а вполне себе отложенное удовольствие.

А оно, как известно, даже слаще.

Глава 2

Мне было так страшно, как ни разу в жизни до этого. До такой степени, что на меня напала нервная икота, и, учитывая и без того колотившую трясучку, всю телепало, как будто кто-то тыкал и тыкал в меня шокером. Жуткие мужики, вывалившиеся, как настоящие демоны, из темноты, рыча не по-человечьи как-то, заломали нас четверых так быстро, что и пикнуть толком не успели. Натянув на головы мешки, пошвыряли, как мусор, в какую-то тачку прямо на железный пол и повезли куда-то, не думая отвечать ни на один из наших истеричных вопросов.

Нет, я, конечно, понимала, что однажды мы все же влипнем, довыделываемся, и вот прямо задницей чуяла, что какое-то дерьмо сгущалось вокруг уже дней пять, с того самого вечера, когда мы случайно подпалили ту хату за городом. И главное, как так вышло, вообще не пойму. Ну вскрыли дверь, ну пошли шарить везде, выискивая дорогое бухло, жратву или еще чё покруче, ведь Шмель побожился, что эта долбаная хижина – местечко для оттяга одного мажора, с которым они как-то случайно пересеклись. Ну, типа, он сюда постоянно баб и кучу дружков таскал, баня-бассейн-нажиралово-потрахушки безбашенные – так что хоть что-то для нас тут могло найтись.

Мы и правда быстро нашли и выпить, и закусить, а потом

будто бес в нас вселился, что ли. Мы и раньше запросто пробирались в крутые дома, ибо делиться всем хорошим надо с нуждающимися, господа состоятельные. Но вот чтобы вот так начать беситься и крушить все – такого не бывало. Может, у этого мажора в бухле наркота еще какая была?

Короче, пили – помню, музло врубили и танцевали – помню, икру, креветок размером с хренового рака мутанта тоже помню, а вот потом – ничего. Очнулась мордой в снег, рядом парни, а сзади все полыхает и грохает.

Ох и бежали мы оттуда. Но, судя по всему, по-настоящему удрать не удалось.

Я попыталась извернуться и хоть как-то плечом сдвинуть мешок, но пинок увесистого ботинка в район лопатки заставил замереть, выдавив из меня лишь бессильное болезненное шипение. Синяк будет знатный, хоть на мне и заживает все, как на собаке. Но стоит ли об этом волноваться, если есть реальный шанс к утру в лесополосе со свернутой шеей или дырой в башке валяться.

– Лимончик, ты здесь? В порядке? – придушенно позвал где-то рядом Шмель, но и его заткнули коротким «Захлопнись!» и физическим внушением, судя по болезненному стону.

Ну мы и замолчали, но я все равно еще старалась щупать все, до чего достану скованными за спиной руками.

Ехали примерно час, может, дольше. Потом снова тяжелый топот. Меня схватили за шкирку, как нагадившего ко-

тенка, и потащили вперед так быстро, что едва ноги успевала переставлять. Грохнуло железо. Похоже, открывали тяжелую дверь. Пошли ступеньки вниз. Опять лязг, и наконец меня отпустили.

– На колени, мрази! – приказал кто-то страшнючим басом, и тут же толкнули в спину, вынуждая подчиниться или пропахать лицом местный пол.

Повисла тишина, в которой только и слышно было наше и чужое дыхание, а еще кто-то расхаживал поблизости туда-сюда. Воняло сыростью, пылью, мужским потом и еще чем-то… едко-кислым. Причем последним – от меня и парней. Наверное, так пахнет страх. Прошло бог знает сколько времени. Мои колени начали дико болеть, как и вывернутые назад плечи, а потом и вовсе все онемело, и стало качать от изнеможения. Как назло, желудок напомнил о пустоте, а в голове поплыло, затошнило. Хорошо, что во мне ничего съестного еще сегодня не было, а то наблевать с мешком на башке – вообще не айс.

– Да вы задолбали нас тут держать! – вдруг взорвался Сазон. – Хотите отметелить – давайте! Хер ли издеваться!

– Смотрю, нашим юным гостям не терпится понести заслуженное наказание?

Мать твою, ну и голос!

Угрожающий бас первого говорившего с нами мог заставить обосраться, но вот этот лениво-вкрадчивый мужской баритон показался лезвием, легко скользнувшим по горлу,

вскрывая его.

– Что же, мы готовы пойти вам навстречу. Джентльмены, давайте поможем милым молодым людям принять тот вид, в котором им предстоит пребывать далее, – продолжил этот голос-нож, и мой страх взвился еще на хрен знает сколько уровней. Хотя куда уж дальше.

Прямо за скованные запястья меня резко дернули вверх. Затекшие суставы обожгло острой болью, и я заорала.

– Верещат, как девчонки, ей-богу! – проворчал кто-то за моей спиной. – Как в чужие дома лазить, воровать, поджигать, так герои, а тут прям ссут под себя.

– Нет! Не надо! – заголосил истошно неподалеку Мелкий. – Не трогайте! Простите нас! Мы не хотели! Все случайно вышло!

– Руки, падла, убрал! – последовал за ним Шмель.

Мой мозг не успел нарисовать всех ужасов с ними происходящих, потому что начались мои собственные. Сильные руки схватились спереди за ворот моей одежды и просто рванули, отчего меня шатнуло и плечи обожгло холодом. Завопив, я дернулась назад, стараясь пнуть агрессора, наплевав на то, что просто стала заваливаться на спину. Но нападающий дернул меня обратно, расправляясь-таки с остатками верхней части одежды.

– Хм-м… Шеф! – позвал он. – Тут у нас кое-что любопытное.

– Надо же, девка, – пророкотал довольно тот самый жут-

кий голос, и мои зубы заклацали от бешеной смеси ужаса и стыда. – А сиськи-то ничего так. Как говорится, мелочь, а приятно. Все становится гораздо интереснее.

Мешок сдернули с головы, я распахнула наконец глаза и тут же как окоченела, столкнувшись с безжалостным, каким-то нечеловеческим взглядом здоровенного бугая, стоявшего прямо передо мной. Глаза желтючие, таких, блин, у людей не бывает, никогда в жизни не видела подобного. Как у кошака какого или, скорее уж, у волчары. И оторваться от них невозможно: этот холодный золотой блеск радужек будто обездвижил, заморозил всю меня, даже чертовы глазные мышцы – не спастись от этого визуального расчленения. Он пялился на меня в упор, не прерывая контакта, столько, сколько, видно, счел нужным, и только когда сам, ухмыльнувшись, отвернулся, я отмерла, попытавшись осмотреть его полностью, но не тут то было.

– Ну раз так, то разговор у нас пойдет совсем по-другому, – произнес он пугающим и ставшим еще более грубым голосом. Схватил меня за короткие пряди на затылке, резко крутанул голову, поворачивая к друзьям, едва не свернув шею. – Смотри! Очень внимательно смотри. Детали не упускай.

Шмель, Мелкий и Сазан стояли в нескольких метрах от меня, позорно голые, со скованными позади, как и у меня, руками и болтающимися на лодыжках и предплечьях лохмотьями одежды. Красные, в нервной испарине, безумно вер-

тящие головами. Мелкий плакал навзрыд и все повторял «не надо-не надо», таращась на мужика в белом халате, чем-то звякавшим в глубине плохо освещенной комнаты с неоштукатуренными стенами и бетонным пыльным полом. Прищурившись, преодолевая свою близорукость, я пригляделась и едва не заорала в голос и не развылась вместе с ним. Там стояла какая-то дикая конструкция с браслетами на застежках для рук и ног, а тот самый чел в белом деловито устанавливал рядышком нечто на штативе, в чем без труда опознавалась огромного объема фигня для клизмы, но на конце прозрачной трубки вместо обычного наконечника из белого пластика находилось нечто поблескивающее металлом в форме небольшого члена. Члена, мать его!

Мои глаза чуть не выскочили из орбит, а ноги стали подкашиваться от ужаса и осознания, что же с ними собираются сделать, и я беззвучно зашевелила губами, вторя уже окончательно впавшему в истерику Мелкому.

– Не надо… пожалуйста… простите… простите…

– Все рассмотрела? – Меня опять дернули за волосы, вынуждая пялиться в жуткие зенки кошака-волчары. – А теперь информация для всех: мы находимся сейчас в подвале одного замечательного загородного закрытого клуба, члены которого весьма высоко и с большим энтузиазмом оценят появление тут новых нерастраханных дырок. И ваш долг за мой сожженный дом вы сумеете отработать месяцев… м-м-м… эдак за пять интенсивного использования. В вашей

анальной девственности сейчас будет убеждаться наш уважаемый доктор. – В помещении раздался глумливый смех громил в масках, что удерживали парней. – В случае если вас прежде уже употребляли, особенно сзади, ваша ценность реально упадет и срок расплаты может растянуться на неопределенное время.

– Пошел на хер, извврат поганый, – взбеленился Шмель. – Да я лучше вздернусь, чем позволю себя трахнуть!

Мелкий просто взял и обвис в руках захватчиков, а вот Сазан стоял вытаращив глаза, словно его обратило в камень.

– Таковы были первоначальные планы, но только что мне пришло в голову их поменять, – продолжил желтоглазый, явно главный здесь.

Кажется, этого не ожидал никто, и все, включая маньяка-доктора и похитителей в камуфляже, уставились вопросительно на моего пленителя.

– Пойдем-ка, поговорим в более комфортной обстановке, де-во-чка! – издевательски произнес он у моего уха, начав толкать к не замеченной прежде двери. – А молодые люди тут пока побудут, отдохнут с дороги. Ну или нет.

Глава 3

Девка! Ну надо же! Как мужики-то не учуяли сразу девку среди этих огрызков? Видно, так они провоняли друг другом и еще настолько интенсивно фонили страхом, что отдельного аромата было не разобрать. Очень будоражащего, оказывается, аромата. Открытие, однако, резко испортило мне настроение, снижая градус злости. И я не стал врать себе, будто причина в том, что с бабами я не воюю, даже если они твари распоследние, дуры или оторвы. Просто, едва пахнуло поверх панической кислятины ее собственным телом и после первого же взгляда на два маленьких полушария в прорехах содранной одежды, у меня встал. А там и посмотреть-то не на что! Не зря под курткой и намека-то не было – пацан пацаном. А когда Лешка совсем содрал ее одежду по пояс, в животе прямо потянуло от вида смугло-оливковой кожи, сисек этих, реально маленьких, таких, что просто утонут в моей лапе, с вызывающе торчащими вверх коричневыми сосками. Такими пухленькими, что ли, выглядящими так, будто их кто-то только что долго и настойчиво обрабатывал ртом, заставив не только торчать, но и налиться. Зверь, вмиг ошалев, заворочался внутри, кулаки сжались, и ширинку распёрло от наглого «Да-а-ай!» от члена. Что за хрень?

Да как у нормального мужика встать на такое может? Ключицы выпирают, плечи узкие, чуть не детские. Тощая. Ну

ладно, сейчас так по моде. Но при этом все линии фигуры будто сглажены: ни тебе подчеркнуто узкой талии, ни нормальных бедер, не говоря уже о столь любимой мною смачной заднице. Вон джинсы застиранные так болтаются на бедренных острых костях, что того и гляди те их прорежут. А у меня еще туже в паху скрутило – ну хоть бери и нагибай прям тут, а то уже почти невмоготу. Эх, нужно было оттрахать кого-нибудь. Нужно. А не в месть играться, посвящая этому все свободное от работы время. Чисто машинально дернул мешок с головы, пытаясь постичь, что это за дикий отзыв у меня на это ходячее безобразие. Херова ошибка! На меня уставились огромные, чуть не в пол-лица, черные, слегка раскосые глазищи с блестящей поволокой непролитых еще слез. Губы искусанные, сочные – прямо какой-то идеальный бл*дский смайлик. Щечки круглые, смуглые и как бархатные. Реально, сука, как нарисованная вся тонкой кисточкой: бровки-реснички-ноздри-ямочки.

«Хочу-у-у!» – бомбануло в голове. Сию же секунду. Нет, что за на хер?

А с другой стороны… чего нет-то? С кем тут церемониться? С малолетней шлюшкой? Ведь ребята пронюхали, что все четверо сморчков мелких на одной хате живут, еще и однокомнатной. Наверняка наркоманка еще, вандалка и по жизни бесполезное создание. А раз так…

Схватив ее за шкирку, потащил по лестнице наверх, в апартаменты, предназначенные раньше для наших вынуж-

денных постояльцев, когда «Холдинг безопасности» еще всерьез промышлял сокрытием свидетелей перед судами и прочим подобным дерьмом, для которого был необходим вот такой вот закрытый режимный объект с комфортабельным жильем. Сейчас они чаще пустовали, разве иногда ребята с фирмы заваливались отдохнуть с подружками или с семьями – все же природа, и место красивое. И, конечно же, никакого секс-клуба для извращуг наверху и близко не было, и этих сопляков никто трахать не собирался. Упаси меня господи от такого еще. Да и бить мне их расхотелось, только рассмотрел этих дрыщей тощих. Первая ярость уже прошла, а где там врезать, чтобы не сразу насмерть? Так, запугать, чтобы и обоссались, и обосрались, и ни в жизнь больше никуда не полезли, а там, глядишь, и импульс верный им придать – после такого часто за ум берутся.

Короче, до тех пор, пока не увидел я это… эту, мать ее, анимэшку смугленькую, намерения у меня были почти облагодетельствовать придурков. А вот теперь… Нехороший я мужик, ох нехороший! Да и хрен с ним! С кем тут проявлять себя положительно? Пусть вон ее бог прощает, а я за все спрошу, и мое право сильного решать, как именно.

Втолкнув ее в комнату, я расстегнул наручники и сдернул с рук остатки тряпок, оставляя в одних мешковатых джинсах, и девка тут же прикрылась, начав пятиться от меня.

– Руки убрала! – рявкнул, словив опять едва ли не мучительный, но такой кайфовый импульс в рванувшемся члене

от ее мгновенного подчинения, сопровождаемого широченным распахиванием мегаглазищ.

Бля, жил себе, жил и не представлял, что это так мужиков вставляет от секса с такими вот мультяшками-кукляшками. От случайно просмотренного мельком такого порно раз чуть не стошнило. Ну, извращение же какое-то чистой воды! Все равно что и правда куклу драть, да и то, куклы в секс-шопах больше реальных баб напоминают, а это такое… черт-те что! А вот стоит передо мной вся такая тонкая (ну чисто фигурка какого-то азиатского божества), глазастая, как зверек ночной, губки от природы аккуратным бантиком, скулки остренькие, запястья-спичечки, сиськи-яблочки, мать их, райские, никак не больше… Да, етит тебя в колено, даже все слова для описания в башку лезут какие-то уменьшительно-презрительно-ласкательные, в натуре! Как не о бабе, а о пупсике игрушечном речь! А у меня зато не просто стояк на нее, а натуральный стоячище!

– Звать как?

От резкого окрика она снова вздрогнула, дернув руками прикрыться, но, нарвавшись на мой предупреждающий прищур, повесила их вдоль тела.

– Ай… Аяна, – проикала и всхлипнула.

– Послушай сюда, Аяна. Ты и твои друзья – обычные мелкие паразиты, никчемная шпана, никто вообще, – начал четко и без всякого стеснения задвигать я свою позицию. – Я могу приказать вас закатать в бетон, утопить в реке, как котят,

насравших в тапки, могу, как и собирался, отдать на потеху извращенцам, которые затрахают вас насмерть. Сечешь? А могу стать добреньким, всепрощающим и отпустить на все четыре стороны. А все знаешь почему?

Я шагнул ближе, она шарахнулась, но жесткий захват на запястье не дал ей сбежать. Не церемонясь, прижал ее ладонь к паху, придавив своей сверху, когда задергалась, и поддал бедрами, чтобы как следует прочувствовала.

– Так вот, ты сама по себе – никто, пустое место, но имеется некоторое обстоятельство. – Глядя в ее все более безумные глазищи, я начал бесстыдно толкаться в ее руку. – У меня на тебя отчего-то дикий стояк, причину которого анализировать я не намерен. А знаешь почему? Потому что просто трахну тебя сейчас и забуду об этом.

– Нет! – Она рванула конечность из моего захвата, но куда уж ей, такой тщедушной.

– Да! – хлестнул я ее голосом и потеребил пальцами другой руки ее такой пухленький сосок. Аяна от этого съежилась и затряслась еще заметнее. А мне плевать, меня это только сильнее завело, а зверь так близко подступил, что того и гляди выскочит наружу. – И выбор у тебя не слишком большой. Я тебя поимею. Вот только щедро предлагаю выбрать: мы станем вести себя как цивилизованные люди и тебе даже понравится, а точнее – очень-очень понравится. А после того, как я удовлетворюсь, и ты, и твои у*бки-приятели уходите отсюда без всяких претензий с моей стороны.

Мы, типа, в расчете. – Ощутив новую, едва не сбивающую с ног волну похоти от взмаха ее игрушечных ресниц понял: нет, не в расчете, я в охренеть каком выигрыше останусь – колбасит-то уже не по-детски. – Либо же я все равно тебя отдеру, но тогда тебя ждет боль, унижение и порванные в хлам дырки. А перед тем, как начать с тобой, я скажу своим ребятам там внизу, чтобы продолжили с того места, на котором остановились.

Опять же бессовестное вранье, никогда я такого с женщиной не делал, и лучше член себе отрежу, чем стану реально насиловать или причинять боль во время секса. Но, во-первых, кто она такая, чтобы быть с ней честным и следовать нормам общечеловеческой морали? А во-вторых, меня, кажись, до такой степени никогда еще не прижимало! А девочка явно из тех, на кого надави – она и прогнется, да еще и тащиться от этого станет. Да я, может, и вовсе ее себе оставлю. Ну, пока не наиграюсь, в мать ее, кукол. Дожил!

– Пожалуйста, не нужно. – Жалкое, но и тут же вспышка гнева: – Вы не посмеете! Мы в полицию…

– Ага, да хоть в прокуратуру. У меня везде друзья-товарищи и даже родня. Да и не будь так, кто ты такая, чтобы тебя хоть слушать стали? Достойный член общества, чье слово против моего кто-то захочет услышать? – Я прошелся наигранно-презрительным, а на деле – зверски голодным взглядом по ней и отпустил. – Давай, решай: раздеваешься сама… или все равно будешь голой, но после идешь вниз и наблю-

даешь за тем, как твоих дружков будут готовить к карьере знатных петушков.

Аяна точно хотела бежать отсюда и заплакать тоже, а вот я боролся за последние секунды своего здравомыслия. Я ведь не соврал ей в том, что, не побывав подо мной, она отсюда не выйдет. Похер. На мне полно разных грехов, как-нибудь поживу дальше еще с одним. Оно того стоит.

Она вздернула подбородок, не соображая, как этим раздраконила меня еще больше, и взялась за пуговицу на своих старых джинсах. Что за гребаное кощунство – заворачивать хренов алмаз в дешевое тряпье?

– Ты обещаешь мне, что если я… с тобой… то ты… не тронешь ребят и отпустишь нас? – Она продолжала икать и всхлипывать едва ли не через слово, но тон становился все тверже, ну а я только и мог, что наблюдать, как медленно является миру ямочка ее пупка и темная поросль на лобке. А вот это мы уберем, у куколок должно быть везде и всюду гладко.

П*здец меня уже вштырило! Ямочки, губки, грудки… надо кончать эту херню сопливую! А то совсем башка набекрень съедет.

– Слово даю, – просипел, захлебываясь жгучей похотью.

– Почему я должна…

– А у тебя выбор есть? – насмешливо поднял брови, едва не давясь воздухом от вида ее впалого живота.

– Нет. И сколь… сколько раз я должна…

Все, с меня хватит! Не собираюсь я больше терпеть, или яйца взорвутся к херам!

Бесцеремонно толкнул ее в обнаженную грудь, заставляя плюхнуться на постель, и рванул ширинку, вываливая гудящий член перед ее лицом.

– Ну! – Горло так стиснуло от предвкушения, что способность внятно изъясняться пропала начисто.

Аяна шарахнулась, упав на локти, таращась на мой причиндал как на Чужого, готового ее сожрать, и задышав так, словно у нее началась чертова паническая атака. Что, жила с тремя наверняка озабоченными парнями и сосать не приходилось? Так я и поверил! Да сто пудов они тебя во все места полировали днями напролет. А кто не стал бы?

От этой мысли резко захотелось пойти и все же отмудохать мелких говнюков.

– Чего замерла? Хочешь, чтобы все дальше пошло у нас ладно и приятно – отсоси мне.

А то я уже реально сдохну или на тебя брошусь и на самом деле порву. С моим размером с наскоку на баб не лезут, не без смазки тогда уж.

– Я не… не умею… не могу, – заблеяла она и вдруг покраснела, начав косить глазами куда угодно, только не на почти упершуюся в ее щеку головку, уже капающую смазкой.

Одна прозрачная капля, попавшая на ее подбородок, чуть взвыть меня не заставила. Яйца как в кулаке кто стиснул. Да она только в рот возьмет, и я приплыву.

– И я должен поверить? – подался вперед и осклабился презрительно, сжав себя у основания, покачав раздувшимся как никогда набалдашником у ее губ. – С кем из этих троих тощих убожеств ты спишь? Или сразу со всеми? И что, они тебя сосать еще не научили?

– Что?! – Ее возмущение в таком положении выглядело и комично, и заводяще. – Мы друзья, понятно?

– Сколько тебе лет?

– Двадцать!

– И ты живешь в одной хате с тремя парнями? Не ври мне, детка! При таком раскладе вы можете быть только друзьями по сексу.

– Нет! Я вообще…

– Вообще что?

– С парнями вообще не сплю, понятно? – выкрикнула она, скользнув по покрывалу подальше и снова зыркнув на мой член как на некую мерзость.

А вот это, как говорится, поворот. Облом? Не-е-ет! Ни в коем случае! Это вызов, что возбудил меня еще сильнее. Как будто я в этом нуждался.

– По девочкам, значит? – ухмыльнулся я, начав накачивать свой ствол. – Ну это мы исправим.

Врет ведь, небось, засранка. Мать твою, как же эта тощая глазастая выдра мозг мне вскипятила! Я едва ли раз десять передернул, прежде чем с рыком спустить ей на живот, забрызгав до самого подбородка, и по брезгливой гримасе по-

нял – не врет. Так выглядят люди, которых вот-вот вывернет. Да только сути происходящего это не поменяло. Я ее трахну, и теперь прямо дело принципа заставить ее кончить так, чтобы в ее башке навеки член воцарился.

Глава 4

– Лимончик? Лимонка, ты тут? – позвал меня тихонько Шмель, как только нас опять с мешками на головах погрузили в машину. – Ты в порядке?

Нет, я была вообще не в порядке.

И дело не только в физических ощущениях. Кожа на шее и щеках была раздражена от тершейся об нее столько времени щетины котоволчары, соски слегка чесались и болезненно реагировали на каждое касание ткани, после того как он их вчера сосал, облизывал, прикусывал, тер пальцами, будто не мог никак наиграться. Внутри… там внизу все тянуло, еще оставаясь чересчур влажным и чувствительным, и я бы хотела убедить себя, что это дискомфортно, но, к сожалению, было не так. То есть болеть по-настоящему у меня ничего не болело, что удивительно после того, что этот демон златоглазый со мной творил, и это-то и было обиднее и противнее всего. Меня, считай, насильно поимел абсолютный незнакомец, сделал все, что ему вздумалось, обращался как с неким предметом, что ли, чьи желания и воля не имеют значения, а моему проклятому телу это понравилось.

– Здесь, Шмель. – Мой голос был скрипучим. Еще бы, так орать, как я ночью, охрипнешь тут. – Нормально все.

Рядом насмешливо захмыкали.

– Теперь это называется «нормально», – прокомментиро-

вал кто-то незнакомый, скорее всего, один из громил в камуфляже. – А накричала ты на целое «фантастично», как по мне.

Если и так было морально погано от произошедшего, то теперь и вовсе затошнило.

«Да-а-а! Умница! Такая хорошая голосистая девочка!», – как наяву, услышала я в своей голове довольный голос моего мучителя и вспотела и затряслась в ознобе одновременно.

Я не хочу ничего из этого помнить! Это было не со мной. Я выйду из этой сраной тачки и забуду все немедленно и навсегда!

– Что с нами будет? – Мелкий еще гундосил, будто все это время проплакал. – Куда вы нас везете?

– Не кудахтай, сам скоро узнаешь! – огрызнулись на него, и парень опять стал шмыгать носом.

Ну, по крайней мере, нас больше не пинали, требуя заткнуться, и не угрожали. Значит, есть надежда, что желтоглазый зверь слово свое сдержит.

– Успокойся! – повернула я голову на звук всхлипов друга. – С нами все будет хорошо.

– Да, верь девушке! – язвительно поддакнули рядом. – Она честно отработала это ваше «хорошо».

В этот раз наши захватчики дружно загоготали, а я, не выдержав, согнулась, переживая сухие спазмы желудка.

– Что, и кофейку со мной не выпьешь? – насмешливо-заботливо спросил у меня главный похититель, когда я, едва

проснувшись или, скорее уж, очнувшись, кинулась натягивать свое белье и джинсы. – И даже водички? А как же благодарный поцелуй на прощание? Или, скажем, «милый, это было великолепно, может, повторим»?

Я застыла, скрестив руки на обнаженной груди, а он, продолжая ухмыляться, протянул мне слегка мятую футболку военного образца, ту самую, что вчера неторопливо снимал передо мной, уже стоящей под струями воды, смывающей его сперму с живота.

– Я за тобой бегать не собираюсь, – смачно зевнув, сказал он и голышом прошелся до своей брошенной на стул куртки, сверкая твердой задницей и явно нисколечки не стесняясь своей наготы, и что-то достал из кармана, пока я трясущимися руками завязывала ботинки.

– Захочешь повторить – позвонишь! – сунул он мне в руку бумажку с номером. – Я – досыпать.

И действительно завалился обратно в постель, словно я для него просто перестала существовать.

Я ломанулась из комнаты, игнорируя даже обычный утренний призыв организма заглянуть в туалет. Потому что ни хрена обычного со мной последние часы не происходило, и пошел он, этот организм-предатель! Как так-то? У меня с головой беда? Или я совсем какая-то по жизни чокнутая извращенка, но до сих пор не знала об этом, потому что никто меня к сексу не принуждал? Нет, понятно, что я уже как бы смирилась с тем, что парни меня не привлекают, а это уже

само по себе не очень нормально. Правда, Костик, мой первый и последний… до сегодняшней ночи последний опыт с противоположным полом, утверждал, что я просто обычная фригидная особь. «Бревно с глазами», если быть точной. Но после того поцелуя в засос по пьяни со случайной подружкой Сазана я в это уже не верила. Потому что целоваться с ней мне понравилось, и это завело. А вот с Костиком ни черта такого не выходило. А мы ведь встречались еще со школы, и все у нас серьезно было, и смазливый он. А ничего от его елозиний у меня во рту не сжималось и не трепетало, а сам секс… вообще не фонтан. Вещь из разряда «нужно просто потерпеть, когда он кончит». И то, если ты, типа, в отношениях и их ценишь, а если не хочешь их сохранять, то и нах этот секс.

***

– Итак, у тебя с мужиками вообще не было, и ты по умолчанию решила, что тебя от женщин вставляет, или как? – Изгваздав меня в сперму до самого подбородка, волкокот стал выглядеть поспокойнее и едва не мурлыкал. Сволочь!

Ну еще бы, это у парней нормально – расслабиться после того, как они кончили. Он протянул мне руку, поднимая с постели, и повел в сторону другой белой двери.

В вертикальном положении стало еще противнее, потому что вязкая, быстро остывающая жидкость потекла по мне

вниз. Боже, до чего же мерзко! И разговоры я с тобой вести не собираюсь. И так противно.

Не ожидая его резкой остановки, я влетела в мощное плечо, и, прежде чем успела шарахнуться, он схватил меня за подбородок, вздергивая тот вверх, и впился своим жутким взглядом.

– Я тебе вопрос задал! – От мурлыканья и следа не осталось. Он реально какой-то бешеный.

– Или как! – почти огрызнулась я.

Золотистые глаза сузились, будто он укусить меня собрался, но через пару секунд злость из них пропала, сменившись чем-то другим.

– Да ну и похрен, – пробормотал он опять с этим чуть протяжным рокотанием и погладил большим пальцем мои губы, уставившись на них как голодный, ей-богу. – Какой же у тебя рот, как мать его, нарисованный. Сожрал бы, вместе с сосками твоими.

Он что, какой-то биполярный, что ли? То рычит, то мурчит. И про сожрать он, надеюсь, не всерьез, потому как с таким психом черт-те чего ждать.

Затащив в ванную, он деловито отрегулировал воду в душевой кабинке, а сам отошел куда-то, по дороге раздеваясь, и мой страх вернулся с прежней силой. Его обнажение уже абсолютно точно говорило о том, что будет продолжение, и теперь вряд ли все обойдется тем, что он опять передернет.

– Не стой, время не резиновое, – подхлестнул он меня,

вернувшись с одноразовой бритвой в руке.

Вошел в кабинку, сильно потеснил меня из-за своих габаритов и вдруг опустился на колени, уставившись прямо на мой лобок. Схватил ногу за лодыжку и потянул вверх. Я едва не упала, пытаясь ее вырвать у него.

– Ногу мне на плечо, живо! – рявкнул он снова своим монстроголосом, и я подчинилась автоматически, оказываясь в положении, от которого стало не только страшно, но еще и дико, до тошноты стыдно.

– Ты только посмотри, какая ты тут хорошенькая, – проворковала опять добрая, но похотливая его версия, когда наглый кошак погладил согнутым пальцем между моих раскрывшихся в непристойной позе половых губ. – Такая вся розовая, аккуратненькая. П*здец, как вставить тебе хочу. Вот только эти заросли тут ни к чему, но мы их сейчас уберем.

Я же до крови закусила губу, разрываемая между желанием разрыдаться от унижения и стыда, сбежать, броситься на него с кулаками и еще чем-то…Тем, что возникало в точке его поглаживания и расходилось кусачими мурашками по коже.

– Так, с мужиками мы выяснили, – как ни в чем не бывало продолжил он допрос, сноровисто намылив меня и начав тщательно водить бритвой по лобку, заставляя вздрагивать от каждого движения. – Не дергайся! А с девушками ты реально спала или так, баловство и эксперименты?

Он точно маньяк. Про таких в кино снимают. Типа, в одну секунду он сидит и мило беседует с тобой, а в следующую нос откусил. Господи, ну почему? Да, я виновата, дура и все такое, но за что так-то?

– Если ты заставишь меня еще раз повторить хоть один из моих вопросов, я тебя так без всякой подготовки отдеру, что завтра зашивать придется! – От его рыка в замкнутом пространстве душа у меня аж зубы залязгали. – Спала с бабами, спрашиваю?

– Нет! Только целовалась!

– То есть даже куни не было?

– Что? Не-е-ет!

– А сиськи там друг другу потискать?

Да пошел он в жопу, я уже не могла понять, что больший источник моего смущения, граничащего с отчаянием: его задаваемые таким обыденным тоном бессовестные вопросы или действия. Он брил меня сосредоточенно, наклоняя голову то так, то эдак, помогая себе пальцами второй руки, прижимая, оттягивая где надо.

– Н… нет!

– То есть чисто пососались и все?

Пожалуйста, пусть он уже прекратит… хоть что-то из этого, а лучше все и сразу. Пусть я провалюсь сквозь пол на сто этажей! Пусть лучше орет снова или врежет, но не…

– Ну вот и все! – прямым пальцем он потер между складками, сначала легко и поверхностно, а потом внезапно про-

скользнул всей ладонью между моих ног, обхватывая и практически усаживая на нее, и нажал подушечкой указательного между ягодицами, отчего я чуть в воздух не взвилась. – Сюда давала кому?

– Да пошел ты! – не выдержав, заорала, сжимая кулаки и диким усилием справляясь с желанием замолотить его куда попало.

– Рано кричишь, – хмыкнул он самодовольно, но руку убрал.

Поднявшись, он взял с полочки маленькую бутылочку с прозрачным густым мылом. Подвинул под поток воды, отстранил. Скомандовал «глаза закрой», начал методично намыливать от макушки и до ступней, опять сунул под душ, тщательно смывая, теребя короткие пряди и оглаживая мое тело, будто свое собственное.

– Не стригись больше, – ровным тоном приказал, выводя из кабинки и так же невозмутимо стал вытирать, продолжая разглядывать каждый сантиметр кожи, и от этого у меня все больше появлялось ощущение, что я для него вроде и не человеческое существо в общем и целом, а какой-то набор изгибов, деталей, что он изучает по частям, как энтомолог редкую муху. Ага, вот тут у мушки лапка, ну-ка сколько на ней коготочков? А вот у мушки крылышко, хм, надо же какое тоненькое и прозрачненькое. А тут у нас что? А-а-а, органы размножения, блин! Противно! Как вещь трогает, но хотя бы без допроса и не отрывает ничего, хренов чокнутый профес-

сор. Вот только сопит все громче, и у него опять встал, так что натянут сейчас муху на булавку, по всей видимости. А там не просто булавка, а долбаная, мать ее, булава!

Так же молча он отвел меня обратно в комнату и указал на кровать. Сглотнув, я села на край, так и ожидая, что он сунет мне свое хозяйство под нос.

– Не доставай меня! – хлестнул он меня своим раздражением с полпинка. – На середину!

Наверное, именно так ощущают себя люди, восходя на эшафот. Я неуклюже сдвинулась на середину кровати и легла, начиная мысленно себя готовить к самому поганому. Но разогнаться в прорисовывании жутких картин не успела, потому как волчара златоглазый буквально напрыгнул на меня, вжав в матрас, и влепился своим ртом в мои губы. Я сжалась вся и стиснула зубы, терпя ерзанье его горячего языка, но не тут то было.

– Если ты не желаешь открыть рот для моего языка, придется сделать это для члена! – Господи, да что же он рычит-то так страшно? Люди такие звуки разве издают?

Покорно расслабила челюсть, пусть делает что хочет, лишь бы быстрее все кончилось. Однако, добившись доступа в мой рот, насильник перестал напирать и торопиться. Пососал нижнюю губу, облизал верхнюю, мягко, прямо-таки крадучись стал толкаться своим языком к моему, как будто уговаривал, завораживал. Я и сама не поняла, в какой момент повторила его движение, совсем чуть-чуть, но этого хватило,

чтобы он озверел мгновенно, застонав протяжно, как если бы страдал, и принялся едва не пожирать меня в бешеном поцелуе, что никак не заканчивался, и одновременно терся повсюду. Мне не хватало воздуха, и я уперлась в его грудь руками, мыча и пытаясь ускользнуть. Любитель поцелуев насмерть отстранился и нахмурился, глянув на мои толкающие его руки.

– А вот так не пойдет! – проворчал он, соскакивая с меня. – Мы сейчас это исправим.

– Ну что, с вещичками на выход! – взорвал мое погружение в ненавистные воспоминания громкий бас одного из похитителей. – Очень советую больше не нарываться! В следующий раз никто может не захотеть простить вас ради теплой щели. Пшли вон!

И на этом нас просто выкинули на улицу, оставляя прямо там, где забрали прошлым вечером.

Глава 5

– Захар Александрович, тут к вам Родион Александрович. Пускать? – ледяным тоном процедила Людочка, мой бессменный помощник и секретарь на протяжении уже пяти лет, она же адский привратник, натуральный Цербер о трех головах, ни одна из которых не была подвержена очарованию улыбочек моего смазливого младшего кровного родственника.

Единственным, с кем она так и не решалась вступать в противоборство за право вторгнуться в мой кабинет без предупреждения, был мой отец, да и то потому, что до начала своей карьеры у меня, она пару лет отработала у него, и тот просто млел перед ее заградительными способностями и непрошибаемой невозмутимостью. Посетители могли орать и бушевать или исцеловать ее зад, но без команды сверху никто из них не смог бы проникнуть в святая святых, даже если охрана пасовала перед какой-нибудь чересчур охреневшей особой мира бизнеса или политики, возомнившей, что его проблема с безопасностью нуждается в самом немедленном внимании, невзирая на очередь.

– Пусть заходит, – проворчал я, кривясь, слыша на заднем плане возмущения младшенького Уварова о том, что кто-то не знает свое место и вообще попутал.

– Слушай, брателло, я не понимаю, зачем ты держишь это-

го страшнючего крокодила в приемной, – нарочито громко, не прикрывая дверь полностью, заверещал Родька, влетев в мой кабинет. – Я на твоем месте уже сто раз бы сменил ее на милую киску с сочными сиськами и рабочей задницей. Что за мазохизм смотреть постоянно на такое вот чудище? Ей же и отсосать дать в обеденный перерыв стремно, а вдруг оттяпает хозяйство вместе с яйцами.

Гондон тупой. Тебе бы вот такая ампутация не повредила. Мало того, что наша раса ни черта не потеряет, лишись ты способности к размножению, так еще и, может, в отсутствие члена вынужденно стали бы шевелиться мозги.

– Ты по делу? – сухо уточнил я, не отрывая глаз от монитора и всячески демонстрируя занятость.

– Естественно по делу! – повысил еще голос братец и плюхнул свой тощий зад в кресло. Оттопырив мизинчик, манерно вздернул манжетки на своей пижонской рубашонке цвета хаки со смехотворной претензией на стиль милитари и вытащил эту хрень, источающую мерзкий пар с каким-то приторным ароматом.

– Ты не будешь заниматься в моем кабинете этим вонючим хреновым дрочевом «типа я курю», – раздраженно предупредил его я. – Говори что надо и вали. Кто-то в семье и работать еще должен.

Он, слегка растерявшись, сел прямее, как школьник на экзамене, и почесал свою дурацкую бороденку по моде, явно не привыкший к такому приему с моей стороны. Я обычно

молча терпел и все его идиотские кривляния, и этот онанизм с электронной сигареткой, подавляя тошноту от мерзкого запаха химических персиков или чего там еще. Но, блин, достало. Меня бесил сейчас и он, и вообще все вокруг.

– Слушай, Захар, я все понимаю, но уже сколько недель прошло с того дня, как наш дом в Малиновке спалили какие-то засранцы, и до сих пор ты не нашел никого из них! – снова расплываясь в глубоком кресле беспозвоночной амебой, занудил братец. – Это как так-то? Это же реально позор! Мы обещаем людям охрану, безопасность, сохранность их имущества или хоть возможность слупить компенсацию за свои убытки с виновного, а сами в итоге ничего этого не имеем. Где виновные и наша компенсация?

– Дом в Малиновке был застрахован, как и все его содержимое. Страховая все уже выплатила, – указал я на очевидное и потер кончиком языка изнутри по зубам, пытаясь уловить там призрачные отзвуки вкуса моей личной компенсации. Напоминание о том, что уже пару месяцев мне приходится обходиться лишь этим, а усилия стереть те ощущения при помощи других женщин не принесли желанного результата, сделали визит Родиона еще более раздражающим.

– Да при чем тут это! – вскочил братец как в задницу ужаленный. – Ты же понимаешь, о чем я! Мы должны найти этих оборзевших поганцев, что посмели сунуться в дом к Уваровым, и наказать их по понятиям, а не по закону! Нагнуть эту плесень, землю жрать заставить, в дерьме искупать, опу-

стить, как последних…

– Смотрю, воображение у тебя разыгралось, младший, – не скрывая пренебрежения, скривился я. – Это так сказывается отсутствие постоянного траходрома? Что, в трешке городской дают не так самозабвенно, как в особнячке за городом?

– Да что ты все не о том, – забуксовал на месте поборник распальцованной справедливости. – Нельзя же такое спускать вообще…

– А кто сказал, что я спустил? – Я пристально посмотрел на него, давая прочувствовать, насколько тупой идеей было явиться сюда со своими предъявами.

– Но ты же мне не сказал… – замялся Родион.

– А должен был? Дом официально был моей собственностью, так что с чего я должен перед тобой отчитываться.

– Ну я же…То есть… А кто это был? Что ты с ними сделал?

– Родя, ты у нас на кого там как будто бы учился? На юриста? – Я снова уставился в экран, давая понять, что считаю его визит исчерпанным. – Так вот скажи мне как юрист, с чего это я должен на каждом углу трезвонить о том, как я наказал подонков в обход законных методов.

Брат что-то там еще ворчал и бухтел, но я его игнорировал до тех пор, пока он, смирившись, не убрался восвояси, но, как говорится, ущерб уже был нанесен. Я просто не мог развернуть теперь свои мысли в любом другом направлении,

кроме Аяны. Чертова кукла! Как же она поначалу боролась со своей реакцией на мои ласки-измывательства! Стискивала зубы, аж желваки выперли, сжимала в белую изломанную полоску губы свои рисованные, пока не рыкнул. Потом, наоборот, стала корчить из себя мертвую, позволяя делать со своим ртом все что угодно. Но не ей со мной играть в такое – я упертый, да и опыта гораздо больше. И сам не понял, почему же так необходимо было получить от нее отклик, выцеловать его, вытянуть из нее, как пчела отнимает у цветка нектар. Цветок ведь тоже корчит из себя безразличную ко всему красоту, но сам же, хитрец, нуждается в пчеле. И ее я заставил нуждаться. Аяна зажмурила глаза, но я знал, что так она сдастся только быстрее. Когда ты отказываешься видеть, то остаются только ощущения, а ими я ее обеспечил. Вылизывал, терзал ее рот, дразня, бросая вызов ее языку хотя бы попытаться вытолкнуть прочь наглого вторженца. И она попалась, не понимая, что каждым скользящим движением-сопротивлением создает все больше возбуждающего трения, становясь моим союзником в своем же соблазнении. Но как же меня поперло, как подорвался весь на ее первом же невнятном ответном поцелуе. Вот жрал бы и жрал живьем, пока не лопнул бы. Да, моя кукла пыталась сдать назад, ухватиться за безнадежно ускользающий контроль над собой, наверняка старательно расталкивая в себе ненависть и отвращение ко мне, и я не стал ей мешать, даже помог, бесцеремонно привязав тонкие запястья поясом банного халата

к изголовью кровати.

Не больно и не сильно – проверил, но так сразу и не вырвешься, и это подарило ей освобождение от выбора. Теперь больше не в ее власти было бороться, нужно поддаться, отдаться, исключительно чувствовать, а не действовать, а я сделаю, чтобы не пожалела об этом. Как же изматывающе долго она держалась, так стойко, до последнего, будто реально за жизнь боролась, а не готовилась встретить настоящее удовольствие. Всем телом закаменела, как и дышать перестала, стоило, истерзав поцелуями и щипками зубов ее шею, добраться до груди, но уже топила меня в аромате своего неумолимо накатывающего возбуждения. Кусала и так мною измордованные губы, хмурилась так, что брови сходились почти в одну линию, резко вдыхала, словно собираясь на меня наорать, но тут же роняла голову обратно на подушку, отказываясь выдавать мне, что же с ней на самом деле творится, и благоухала, пахла похотью все сильнее. А я ошалел совсем, реально чокнулся, мозги как переклинило на необходимости вырывать из нее хоть лаской, хоть силой все больше и больше отклика. Сначала эти рваные вдохи, от которых я торжествующе заухмылялся прямо в ее кожу, а мой член встал намертво – или кончи, или сдохни. Первые придушенные стоны, больше похожие на едва слышное мяуканье. Аяна, пискнув в первый раз, замотала головой, будто это могло ей помочь справиться с собой, но этим только еще больше раззадорила меня. Ее маленькие груди почти цели-

ком втягивались в мой жадный рот, а кончиком языка я все тер и тер уже скукожившийся сосок, и не остановился, пока и она не дернула ногой, как в сердцах, лягая воздух, и почти сломалась, выгнувшись подо мной. Моя анимэшка опять застыла, когда я коварно бросил ее грудь одиноко и призывно торчать в потолок, добираясь до ее тут же задрожавшего живота. И теперь она смотрела на меня, пусть изредка приоткрывая свои огромные глазищи, но я успевал поймать в них, что время отрицания своего удовольствия для нее прошло. Она алчно ловила даримые мной ощущения, одновременно с остервенением выкручивая руки из плена. И все же добилась своего и высвободилась, да только слишком поздно. Я уже добрался до ее клитора, принявшись терзать тот без всякой жалости, отчего она застенала в голос, вскидываясь над постелью, упираясь пятками в мою спину, и взметнувшиеся ручки-палочки, вместо того чтобы оттолкнуть, упали мне на голову, заскребли, силясь притянуть ближе и нахрапом выхватить так долго выкармливаемый мною оргазм.

Но, конечно же, я не дал его Аяне. Не так сразу. Плохие девчонки не заслуживают легко получить удовольствие, да и не в моих планах было дарить ей всего лишь его. Я ее не просто трахнуть качественно собирался и заставить кончить, а взорвать мозг и подсадить на себя и свой член, чтобы хотела еще, нуждалась. Чтобы всякая злость и поганые обстоятельства нашего знакомства побледнели перед силой вожделения, что в ней разбужу. И ее мощные сейчас страх и

ненависть ко мне такому-сякому насильнику играли на моей стороне. Чем больше брешей в эмоциональной защите, тем глубже я себя в нее засажу. Если уж меня так вштырило от необъяснимого желания поиметь ее вот такую… слов не подобрать, так и с ней хочу сотворить то же самое. Око, бл*дь, за око. Каждая ее сгорающая сейчас извилина за такую же изжаривающуюся мою. Мы ведь вроде как в месть и воздаяние за дурное поведение начинали играть, детка. Хотя к тому времени, когда она сорвалась на протяжные крики и хриплые мольбы, дергаясь то так, то эдак, толкая бедра к моему рту, взмахивая руками, как полоумный дирижер, я и сам уже был близок к тому, чтобы рехнуться.

– Попроси меня тебе вставить! – сипел, трахая ее языком, пальцами и вдавливая окаменевший, беспрерывно текущий член в матрас. – Проси!

Она попросила. А как бы могла отказаться?

– Заха-а-ар Алекса-а-андрович! – протянула Людочка, вторгаясь своим голосом туда, где должны были царить только влажные шлепки тел, предоргазменные всхлипы и ощущения, от воспоминания о которых у меня и сейчас спазмами потянуло в паху. Она, видимо, звала меня уже не в первый раз. – Если я вам больше сегодня не нужна…

– Можешь уходить! – рявкнул я не слишком вежливо, но по-другому и не смог бы.

Зверь бесновался, подпитывая мою и без того едва обуздываемую похоть. Посидев еще пару минут, бездумно пя-

лясь в монитор, я смачно выругался, вырубил все и пошел одеваться. Я дал тебе достаточно времени, непослушная кукла Аяна, потому что я добрый и терпеливый. Но у всего есть пределы, и я иду за тобой – нас ждет новая игра.

Глава 6

– Эй! Как там тебя… Багоева! – позвала меня противным голосом Снегирева – старшая по торговому залу или черт знает, как это зовется.

– Батоева, – машинально поправила ее и в очередной раз спросила себя, что я тут делаю.

Работаю. Ага.

– Да без разницы! – пренебрежительно махнула она. – Давай топай в бытовую химию ценники менять на скидочные!

Я поплелась куда сказали, уже заранее ощущая щекотку в носу. Среди этих порошков, моющих и чистящих средств на меня всегда нападал такой дикий приступ чихания, что вся слезами и соплями просто обливалась и в голове плыть начинало, как у обкурившейся. И эта жирная корова была этому свидетельницей, так что послала меня туда нарочно. В третий раз уже. Чтобы потом явиться попозже в сопровождении еще парочки таких же мерзких дур и полюбоваться на мои как заплывшие, окосевшие глаза и красный нос, да еще наехать, что накосячила, потому что толком ничего и не видела перед собой. Ага, им так веселее. А еще это тупое «эй, Батоева, а ты у нас корейка?» и визгливый ржач каждый раз, будто так открыто демонстрировать свою непроходимую тупость – это невдолбенно весело! Так и крутилось на языке, что я-то всего лишь наполовину бурятка, а вот они целиком

и полностью ходячие куски сала.

Но все это я проглатывала, забивала и шла делать что сказано. Потому что для этого я сюда и пришла – работать. А то, что мне это нисколечки не нравится… ну так мне и надо. Я сама себе нечто вроде наказания за прошлые два с половиной года идиотского бесполезного зависания в нигде, закончившееся тем трындецом в постели с незнакомцем, считай, назначила. Епитимья, блин.

Ведь когда мы, компания из трех друзей не разлей вода с младых соплей, приехали из нашего мухосранского деревенского захолустья сюда, в столицу, то нас только что пополам не разрывало от великих планов и предвкушения сбытия мечт. Видели себя охеренно успешными, правда, толком не зная в чем. Не, а кто бы на нашем месте не счел себя какими-то «не ровня всем» счастливчиками, когда к концу выпускного класса свалилась такая новость? Родная тетка нашего Сазана, всеми давным-давно записанная в старые девы, что стопятьсот лет назад уехала из глухомани учиться в Москву, да так никогда и не вернулась, отхватила себе мужа. И не абы какого, а иностранца, и отваливает с ним куда-то в Европы насовсем, а однокомнатную квартиру, которую она получила когда-то, оставляет своему племяннику. Типа, живи, учись, будь молодцом. Ну а как повелось с детсадовских времен – где Сазан, там и мы со Шмелем и Мелкий, друг без друга никуда. Хоть сарай брошенный спалить, хоть все лето на грибах и ягодах не разгибая спин впахивать, чтобы

заработать Сазану-умелые ручки, на раздолбанную «шестерку», что потом и увезла нас с барахлом в счастливое завтра. Превратившееся в долгое-долгое болото, где ничего не менялось.

Прибыли мы все из себя счастливые сюда, а через год и Мелкий подтянулся. Но, как говорится, что-то у нас пошло не так. Хрен знает, как так вышло, что, позволив себе «немного пожить-покайфовать для начала», мы пребывали в том же состоянии и почти три года спустя. Никто так нигде и не учился, постоянной работы не было. А смысл, если оказалось, что бабок куда как проще раздобыть иными способами. Главное – не щелкать клювом и не пропускать возможности. Ну да, это криминал и, типа, должна проснуться совесть… ну так не в родной же глухой деревне у пьянчужки карманы выворачивали, у местных мажоров этих дурных денег – нескончаемый источник, семья голодать от того, что мы его подрежем, не станет, разве что пропьет-прокутит меньше. Или в хаты их залезать – это не в избе у соседей шарить, что такие же нищеброды, что и ты. Короче, свою совесть мы нашли чем заткнуть. Брать у того, кто с дырами в кармане, как мы, – грех, а вот у тех, кто с жиру бесится, – не-а. Вот так и жили, от куша к кушу, то густо и куражимся, то пусто и бич-пакетами перебиваемся. Пока не дожили до…

Мой очередной чих захлебнулся. В шагах десяти от меня стоял проклятый котоволчара и что-то увлеченно рассматривал на верхней полке. Меня как к месту приморозило,

опухшие уже глаза распахнулись от дикой смеси страха и сбивающего с ног жара, как беспощадный кулак ударившего в низ живота. И одновременно горло стиснула жгучая ненависть. Тварь! Паскуда извращенская! Взять бы и врезать тебе по бритому затылку чем потяжелее за то, что сотворил с нами, с нашей дружбой!

С того дня, как мы вернулись от захватчиков, все поменялось. Всю дорогу до дома парни смотрели на меня украдкой, будто выискивая признаки непоправимого ущерба, но так, чтобы и глазами не встречаться. В квартире я закрылась в ванной и, забравшись в воду по самые ноздри, лежала, старательно выдавливая из своего тела и мозга воспоминания пережитых в чужой постели ощущений. Принималась тереть кожу, внушая себе, что все произошедшее – гадость, насилие. Ненавидеть урода этого нужно. Но тягучее расслабляющее давление откуда-то изнутри и бешеная еще чувствительность исцелованных-иссосанных им мест на теле обращали все мои усилия в ничто. И парни, что каждые пять минут притаскивались под дверь и спрашивали, в порядке ли я, вообще бесили. Да лучше бы хоть один велел выметаться из ванной, как раньше, не одна тут такая, кому отмыться надо.

А дальше с каждым днем становилось только хуже. Сазан все пытался поговорить со мной «об этом», увещевал «пережить и забыть», ведь друзья рядом, супер просто, что живы и целы, а остальное – херня, забьем и дальше пойдем. Ага, пойдем, не его же драли, как последнюю шлюшку, и не ему

же это еще, мать твою за ногу, и понравилось. Не ему снилось, особенно под утро, так явственно и реально, что живот сводило спазмами, а между ног все текло и трепетало, как будто проклятый котоволчище прямо сейчас там утюжил все своим широким и словно покрытым какими-то чудо-присосками языком, заставляя меня выть и трястись как в кондрашке от кайфа и давиться унижением.

Мелкий совсем замкнулся, пары слов не вытянешь, сидел сутками, воткнув нос в свой ноут, но, как ни странно, у него вдруг завелись деньги на карте, и он только и общался с нами, чтобы тихо предложить слопать вместе ту жрачку, что сам же и заказывал с доставкой.

А вот Шмеля мы почти не видели. По крайней мере трезвым или вменяемым. Днями он спал беспробудно, потом собирался, нафуфыриваясь, надевая свой лучший шмот и огрызаясь на все вопросы, и исчезал до утра. Возвращался взъерошенный, пропахший чем-то явно недешево-парфюмерным, и падал спать, бросив перед этим на стол бабки «на общак». Короче, всем было плохо. Мы никуда вместе не выходили, как раньше, не смотрели вечерами телек, попивая пиво, швыряясь чипсами и попкорном и обстебывая чужой вкус, не устраивали хоть и не громких, но вечеринок, и находиться в квартире вообще стало тяжко. Вот я и «наказала» себя этой работой в новом большом супермаркете по соседству. Искала и другие места, но и раньше уже все мы столкнулись с тем, что, как принято говорить, при всем богатстве

выбора особых-то перспектив не наблюдается. Куда берут таких, как я, без образования и опыта? Правильно – в забегаловки фаст-фуда на кухню или «принеси-подайками», на «холодные звонки», выставляя через неделю без копейки с отмазкой «вы нам не подходите», чтобы тут же набрать новую толпу недельных дармовых лохов, и вот такими вот «работниками торгового зала» низшего звена. И нет, я не считаю себя до хрена хорошей для подобной работы, ну просто не мое, и тошно. Но лучше уж тут по двенадцать часов на ногах проводить и терпеть всяких Снегиревых, чем молча дома наблюдать, как твои друзья никак не могут справиться… вот, блин, с чем? Это их разве поимели? Меня злило, что единственный, чья гадская неприкосновенность пострадала, – это я, а ведут себя как хреновы жертвы насилия они. И из-за них во многом я не могла полностью избавиться от воспоминаний о мужике… что, сука, стоял сейчас в пяти шагах от меня и пялился на стеллаж с детскими стиральными порошками.

У него еще и ребенок есть? Даже, наверное, женат. Паскудный шлюховатый мудак!

Внутри все кипело, грудь как обручем стянуло, не давая вздохнуть, пальцы скрючились, пока перед глазами рисовалась картинка, как я бросаюсь вперед и ошалелой кошкой раздираю его наглую холеную морду и превращаю в лохмотья дорогие тряпки, в которые сегодня обрядился, оставляя его так же, как он меня тогда, униженным под чужими взгля-

дами и голым… голым. Мать твою, голым, с его широченными плечами, с грудью, состоящей, кажется, из сплошных плоских каменных монолитов мышц, и негустой порослью, что щекотала и дразнила мои истерзанные его ртом соски, пока он врезался нещадно в меня, превращая в нечто извивающееся, скулящее, вымаливающее у своего же мучителя добавку этого… не хочу даже давать названия этому безумному дерьму.

Ублюдок поднял голову еще сильнее, глядя не иначе как в потолок за каким-то хреном, а я только и могла, что видеть его выпятившийся твердый подбородок, покрытый короткой щетиной, и живот окончательно свело от того, что невыносимо четко припомнилось, как он нарочно потирался ею об меня там, между ног, бесстыдно, нагло, грязно, уделывая все свое лицо в ту влагу, что выжимал из меня. Дул, лизал, царапал зубами и снова терся, будто сам реально кайфовал от того, что вся его рожа блестит и мокрая. Е*анутый извращуга!

Ненавижу его, ненавижу. А больше всего за то… что хочу всех этих ощущений снова. Не хочу хотеть, но хочу! Гад! Урод!

Часто сглатывая и давясь дыханием, я стала потихоньку пятиться из ряда. Не могу я с ним сейчас столкнуться, заговорить. Это катастрофа будет. Потому что или наброшусь на него, как полоумная, с кулаками, кусаясь, лягаясь, царапаясь и вопя во все горло… или… Пропади оно все пропадом, но… или.

«Захочешь повторить – позвонишь».

А хрен ты угадал, падла!

Выскочив из ряда, я сломя голову помчалась в сторону туалетов. Влетела внутрь, заработав нецензурную тираду в спину от какой-то «яжматери» с ее выводком, и закрылась в кабинке. Упала на крышку унитаза, поджав ноги на край, и зажмурилась, требуя и молясь, чтобы это кошмарное, убивающее адекватность, сосущее чувство в теле прошло. Оно как голод, такой, что аж до трясучки уже, но только везде и всюду. На пульсирующих губах, на внезапно саднящих сосках, между ног, где все гудит и дрожит, как под высоким напряжением.

Отсидевшись так неизвестно сколько, пока весь этот телесный бардак хоть немного не утих, я, шаркая, как старушка, выползла к раковинам и долго умывалась холодной водой, тщетно стремясь стереть эту позорную красноту с все еще пылающих щек.

Выскользнув из туалета, тут же столкнулась с Володькой, нашим охранником, что подпирал плечом стенку, явно дожидаясь меня. Высокий, немножко грузный, но вроде как симпатичный (по крайней мере, по мнению местных дам) он и раньше пытался подкатывать ко мне, получая в ответ полный игнор. Я уже была в курсе, что он старался уложить на спину каждую новенькую, считая себя неотразимым.

– Слышь, Аян, я тут билеты в кино на премьеру собираюсь прикупить, – заявил Володька мне, демонстрируя свой неде-

шевый телефон, за который наверняка будет платить кредит черт-те сколько. – Как насчет со мной сходить? Поедим потом, погуляем, все путем.

Я уже открыла рот его опять отшить, но вдруг меня посетила «светлая» мысль. А что если я вовсе не этого проклятущего волкокошака хочу, а просто секса? Ну не было такого раньше, ага, но если этот изврат просто открыл во мне… ну не знаю, какую-нибудь гребаную тайную комнату похоти, это же совсем не должно значить, что вход туда только ему одному. Чего же не попробовать – авось отпустит. Секс – он ведь всего лишь просто секс. Туда-сюда, мокро-потно. Все дело в настрое.

– А давай сходим! – с ненужным оптимизмом ответила я, и Володька от неожиданности чуть свой гаджет об пол не расхреначил. – Прямо сегодня, после работы.

– Ну супер, – сглатывая, заерзал парень. – Там как раз такая зачетная коме…

Придурок, будто мне и правда в кино с тобой интересно сходить.

– Вовчик, а у тебя есть место потом… м-хм, – я многозначительно подняла брови и потерла указательные пальцы друг об друга.

Мне так-то наверняка надо.

– Есть, – промямлил местный ловелас, выкатывая на меня изумленные зенки.

– Ну тогда заметано!

И, ободренная перспективой скорого возможного избавления от двухмесячного наваждения, я резво пошагала работать.

Глава 7

Конечно же она опять постриглась. Даже короче прежнего. Еще и волосы теперь рыжие стали, а не черные, и бровь проколола. Словно вызов мне бросала этим, пусть и понятия не имела, что за ней удаленно наблюдаю. Непокорная кукла. Знала бы ты, что каждое это изменение делало все только хуже. И для меня, и для тебя.

Ее черты сейчас стали казаться еще более рафинированно игрушечными, мультяшными – эдакое чертово идеальное личико-сердечко, с губами, на четкую прорисовку которых художник-создатель наверняка убил уйму времени, судя по результату. Долбаные, мать их, губки, что пока еще так и не коснулись моего члена и дергали за все нервы, буквально умоляя исправить такую оплошность. И я исправлю, уж будь уверена, кукляшка. Темные глазищи шокировали теперь сходу, не прикрытые больше длинной челкой. Наткнуться на них взглядом было сродни ни с хера получить пощечину на ходу, причем работало это не только на мне. Я видел, как мужики будто спотыкаются, если им случается уловить тот момент, когда моя мелкая преступница случайно поднимала голову перед ними, тогда как обычно вечно ходила уткнувшись в пол и сгорбившись. И градус моего раздражения в разы возрос от столь неприятного открытия. Сколько непристойных предложений она успела насобирать

за эти пару месяцев? И сколько из них приняла, раз так мне и не позвонила?

Я незаметно наблюдал за ней в торговом зале минут сорок, что было совсем не трудно при ее привычке по большей части пялиться на носки уродливых грубых ботинок, нежели по сторонам. Ее одежда и обувь – отдельный пункт в том абсолютно иррациональном, чуть ли противоестественном соблазне, что она источала на меня и окружающих. Все это бесформенное пацанячье дерьмо так и хотелось стряхнуть с ее тела, как счистить недостойную оборачивать эту сладость дешевую шелуху-обертку, чтобы потом… очень потом собственными руками облачить в нечто совершенно иное. Говорю же – чертова кукла: хочется не только раздевать и иметь по-всякому, но и рядить на свой только вкус. Вот что за безумное гадство?

Почти десять минут Аяна не замечала, что я стою в нескольких метрах от нее, старательно тоже изображая, что в упор не вижу ее, звонко чихающую и шмыгающую носом и еле слышно бормочущую нечто матерное. Косился, ощупывая глазами всю, мысленно уже вжимая спиной в полки и вгоняя поглубже, одновременно пытаясь отвлечь и сдержать себя от спонтанного нападения, перебирая в разуме все «не» с нею связанные изначально, коих стало еще больше.

Я не бегаю за бабами. Никогда. Зачем?

Я не западаю на мелких, слишком тощих, с фигурой, что под одеждой можно принять скорее уж за мальчуковую. У

женщины должны быть щедрые сиськи и хорошая такая задница, да и чтобы трахать так, как я люблю, ей стоит обладать крепкой конституцией.

Я не люблю рыжих, вот прям терпеть не могу, плевать, натуральных или крашенных, сразу мимо.

Я не могу просто хотеть кого-то, кто выглядит как эта гадская девка, сложен, одевается как она, ведет образ жизни бесполезного создания, не имеющего ни принципов, ни целей. Ведь не сражалась со мной тогда, в первый раз, не бросилась драться, пусть даже думая, что шансов нет. Поддалась, прогнулась, ноги покорно раздвинула, выкупая свободу для себя и дружков.

Не могу, но хочу, до мельтешения черных точек перед глазами во время позорной дрочки на нее, что стала обыденностью за эти недели, до каменного грюканья яиц. До того, что мой зверь за малым не вылезает наружу, чтобы на четырех лапах добежать туда, куда я по совсем не понятной для него причине отказывался пока идти на двух ногах. Ему не до моих хитрых игр. Ему надо поймать, подмять, отыметь – и все дела.

Заметила. Ну наконец-то! А то у меня тут уже шею сводит. Ну, давай, Аяна, твой ход! Я же вижу, чую, что всю аж колбасит. Помнишь? Все до мелочей? Как лизал, то лениво, с оттягом, а ты клянчила сильнее, то с давлением, зубами, сквозь один оргазм к следующему, заставляя скулить и умолять о пощаде. А как загонял в тебя по самое не могу и ты

принимала всего, сдавливала, и без того узкая, что аж трындец. Прямо как утягивала в себя, заманивала, одурманивала и так уже безголового меня к тому моменту. Несуразная, хрупкая – соплей перешибешь, а приняла всего, выдержала, не ныла, не жаловалась. Не-е-ет, маленькая похотливая лживо невинная жадина, ты рыдала и просила еще. И сиськи эти твои… почти несуществующие… звереть меня заставляли, изо рта бы не выпускал. И ручки-палочки цеплялись – не вырвешься, пальцы тонкие в спину и задницу как крючьями впивались – больно, жестко, ошизительно.

По-о-омнишь ведь, вон как щеки заполыхали, ноздри раздулись. Эх, жаль, что эта вонища химическая все перебивает, я бы с таким кайфом полакомился ароматами твоих злости и возбуждения в качестве аперитива. И чем будет начало нашей встречи? Бросишься на меня взбешенной кошкой, скажешь, какой я такой-сякой, насильник, засранец? Я прижму, рот закрою, бесстыдно целуя, и уволоку отсюда уже безвольную и согласную после взрыва. Будешь и дальше стоять, якобы не замечая, ожидая, пока сам засеку, подойду? Поломаешься, пофлиртуем, может, где-то поедим, и все одно дашь себя уболтать. Или уже достаточно дозрела, чтобы впрямую предложить продолжить с того, на чем остановились? Сценарий не важен, когда итог известен. Я уже достаточно хорошо изучил женщин, чтобы быть уверенным – быть нам опять в одной постели. Даже если сегодня не сломаешься, то после отзвуками прежнего удовольствия, достав-

ленного мной, так доконает, что получу я тебя всю жаркую и готовую на раз.

Аяна простояла почти минуту, вперившись в меня прищуренными глазами, кусая губы, комкая низ синей форменной туники, и, покачнувшись на своих жутких протекторах с носка на пятки, резко развернулась и пошла прочь из ряда.

Ладно, я разочарован, но, видимо, без интенсивного маринования длиной еще в пару дней ты не сломаешься, кукла. Ничего, переживу, потом так отыграюсь-отлюблю, что хромать на обе ноги долго будешь.

Злорадно ухмыльнулся, незаметно последовав за своей добычей, гася досаду фантазиями о ее скорых муках вожделения по мою душу. Ан нет, не душу, только тело, но это не главное. А главное тут то, что без вони всяких отдушек я теперь четко уловил шлейф запаха прямо-таки истекающей наружу похоти, что оставляла за собой Аяна. У кого-то очень-очень будет чесаться между ног. И этот кто-то точно знает, где есть самая качественная чесалка, да? Станешь натирать себя, силясь получить хоть бледное подобие того, что я давал, пока не сдашься. Искусаешь губы, изобьешь подушки, расфигачишь душевую лейку или выбросишь в окно своего любовника на батарейках, от того, что все оно не то. Не то. Обзовешь меня самыми последними слова про себя, может, даже всплакнешь чуток, но смиришься, поддашься. Такие, как ты, ищущие в этой жизни как полегче, всегда поддаются. Даю тебе два дня.

О, ну надо же, моя мультяха рванула в туалет! Неужто так прижало, что попробуешь кончить сейчас? Прямо стоя, закрывшись в тесной кабинке, зажав рот ладонью, уткнувшись лбом в перегородку и рвано, совсем не деликатно терзая разбухшую от невозможной потребности насквозь мокрую плоть…

Сука, от этой картинки, от воспоминания, какая охрененная она на вкус, как крышесносно ощущались ее ногти, скребущие кожу моей головы, пока я пытал ее лаской, самого скрутило так, что едва не послал все к хренам и не ворвался следом. Пусть потом ментов вызывают – отмажусь ведь. Все не с красными углями вместо яиц ходить. Но удержался и решил только постоять за углом и подождать. Не отодрать сей момент, так хоть понюхать, как будет благоухать после жалкого собственноручного оргазма. Я же тут не только извращенцем, что ведется на девочек с внешностью порноанимэшек, стал, а еще и в ряды мазохистов мечу. Дожил. Вот вытрахаю всю эту дурость скоро, выкончаю в Аяну и верну себе свои мозги обратно.

Какой-то длинный жирдяй в темно-синей чоповской форме подпер плечом стену у входа в туалет, поглядывая на двери, и отчего-то он мне дико не понравился. Еще меньше стал он мне нравиться, когда встал на пути у Аяны и начал нелепо ее клеить, впаривая что-то про кино-прогулки-поесть. Куда ты можешь отвести ее, убожество? Фастфудом печень усадить? А моя кукла любит фастфуд? По логике, скорее всего,

да, учитывая образ жизни ее и дружков. Так что, у рыхлого казановы есть шансы?

Услышав про место для перепихнуться и увидев жест куклы, что невозможно было истолковать двояко, я на мгновение ослеп, зверея.

Перепихнуться задумала, дрянь? С этим вот огрызком, у которого аж слюни сразу шнурками повисли от одного предвкушения, что он в тебя свой вялый хрен засунет? Думаешь, не понимаю, зачем все это? Да я все твои потуги никчемные на десять ходов вперед вижу. Как и то, что это твое сегодняшнее избавление от поджаривающего заживо вожделения не сработает. Ты посмотри на это недоразумение, на хрен! Надеешься, что он имеет представление, как заставить женщину в постели петь так сладко и до хрипоты? Смешно ведь. Что сможет унять хоть чуть то пламя, что я разжег? Не для него старался и даже, мультяха, не для тебя. Ты моя игрушка, я тебя поджег, мне и тушить. Я расположил по всему твоему телу невидимые кнопочки, что заставляют течь, давиться воздухом, кричать, извиваться, умолять, и только я их стану нажимать. А эти жалкие барахтания ничего тебе не дадут. Здесь мне переживать даже не о чем. Пожалуй, я бы и не отказался посмотреть на выражение поражения на твоем личике, когда настигнет грандиозный облом.

Вопрос тут совсем в другом. Как я собираюсь стерпеть сам факт этой попытки Аяны попробовать с этим жирным козлом? В смысле, мне должно быть глубоко похрен – она не

моя женщина, даже не как временная подружка в ближайших планах. Я не ревную, потому что вообще к такой ерунде не склонен, учитывая, с каким количеством дерьма подобного рода имею дело по работе. Ревность деструктивна и присуща исключительно наивным дуракам, что изначально готовы допустить заблуждения о возможной верности. Я не из их числа. Но Аяна, черт возьми, моя кукла! И хочу играть в нее единолично, раз уж морально смирился с собственным временным помутнением рассудка. Чужие лапы не должны касаться моей игрушки. И ей не полагалось иметь своей воли и принимать решения на сей счет. Все должно развиваться по моему сценарию, а в него не входят тисканья куляхи со всякими озабоченными неудачниками, способными хоть чуть отвлечь ее от «дозревания» для меня.

Моя глупо взбрыкнувшая жертва ушла, а ее ниочомошный, а уж скорее чмошный экс-любовник, что даже не станет реально действующим, поскакал козликом курить на улицу. Видно, от избытка чуйств. По дороге он набрал кого-то и стал, едва не визжа от восторга, как девка, и бегая вдоль стены супермаркета, будто от скипидара в жопе, взахлеб рассказывать, что «снял наконец-то эту телку, помнишь рассказывал» и сообщал о намерении пялить ее всю ночь.

Не угадал ты, придурок! Не угадал.

Злорадно ухмыльнувшись, я высчитал момент, когда он оказался в слепой зоне камер, одним точным ударом кулака по затылку вырубил этого супертрахаря, а потом аккуратно

и технично сломал ему обе ноги, дважды ударив каблуком дизайнерских лоферов.

Во сколько там заканчивает работу Аяна? В десять? Ну что же, подождем.

Глава 8

До конца моей смены оставалось часа полтора, когда на парковке перед супермаркетом началась какая-то странная суета. Сквозь стеклянные стены были видны сине-красные проблесковые маячки, промчалась «Скорая», а в торговый зал спустя минут пятнадцать вошли менты, и почти у них на хвосте вломилась девица с большим оранжевым микрофоном наперевес, украшенным понизу логотипом одного из центральных каналов. По пятам за ней, то и дело натыкаясь на тележки, несся бородатый мужик с большущей камерой, как приросшей к лицу. Они скрылись между рядами, а я, озадаченная, подгребла поближе к кассам и выходу в попытке что-нибудь разнюхать. Ну любопытно же. Хоть какая-то развлекуха в этом болоте.

Высмотреть ничего не удалось, тащиться на улицу было пока неохота, приставать с расспросами к нашим грымзам тоже, так что я зевнула и ушла выполнять очередное высочайшее повеление мадам Снегиревой, которая, к слову, как раз и умотала на парковку в числе первых. Ага, вдруг чё мимо нее пройдет – трагедь прямо. Затрясшийся в кармане через время телефон явил мне физиономию Сазана на заставке, прервав вялые размышления о предстоящем, типа, свидании. Возбуждения или волнения не было, скорее какое-то подобие глухого раздражения, что ли. Вот какого я не по-

тею и не вздрагиваю, предвкушая нечто, чего вообще-то не привыкла так-то вытворять ежедневно. Должно же хоть где-то колыхаться? Ладно, авось в процессе заколыхается. Ну не просто же так местные дамы столь высокого мнения о Володьке.

– Лимонк? Лимончик, ты в порядке? – обеспокоенно спросил друг.

– А чё мне сделается? – удивилась я. – Работаю вот.

– Ты ведь через минут тридцать заканчиваешь? – судя по сбитому чуть дыханию и уличному шуму, Сазан куда-то бодро шуровал.

– Да.

– Я тебя снаружи ждать буду, ну там, где площадка для курения.

– Зачем? – Блин, вот теперь мне еще от него как-то отвязаться нужно. Я ведь хотела сбрехать парням, что иду прошвырнуться с местным бабьем. Вливаюсь в коллектив и все такое. Видала я это вливание…

– За надом! – повысил голос мой собеседник. – По телеку в криминальных новостях показали, что у вас прямо на парковке на мужика-охранника напали и отмудохали так, что он чуть жив. Ты не в курсе, что ли?

Ого. Но все равно. Афишировать свои похождения с очень определенной целью я не собираюсь.

– Сазан, ну а я-то тут при чем?

– При том, что нехер теперь одной с работы ходить. На

кой мы у тебя? – И он просто отключился.

Ну прекрасно! Да что же я везучая-то такая? Не могли этого бедолагу в другой день отметелить с попаданием в новости?

Детский сад, конечно, но я не хотела, чтобы друзья знали. Ясное дело, мы взрослые люди, и они вовсю по девкам таскаются, даже тот же Мелкий до последнего происшествия то еще бл*дво был, но, как говорится, то они, а то я. Я достаточно слышала их обсуждений на тему собственных секс-приключений, чтобы усвоить: мои друзья вот нисколечки не уважают тех девушек, что соглашаются раздвигать перед ними ноги. Спорить было бесполезно, одно фырканье в ответ. Кобелюки. Для них поиметь кого-то – это как спорт. И если девушка не дала в первый же вечер – то на фиг ее, других вокруг полно, а если дала, то все равно туда же, ибо шкура и шалава. Мужская логика, блин. Короче, в их понимании я всегда была вроде своего парня, разве что без члена, меня можно не стесняться и к другим женским особям не равнять. Но, боюсь, заяви я хоть раз о том, что с кем-то сплю, и все разительно изменится. И так после той ночи с котоволком они стали посматривать чуть по-другому, как будто я то ли утратила часть привычных им черт, то ли приобрела какие-то новые, прежде незаметные. Но то же, типа, не добровольно, так что не в счет. А вот если сама пойду, то запросто в их глазах такой же шкурой рискую оказаться. И это уже не говоря о том, что Володьку никто из них бы не одобрил, по-

мимо прочих обстоятельств. Они в принципе никого бы не одобрили, и это ясно как день.

В общем, поплелась я искать своего несостоявшегося любовника и все отменять или переносить. Но Володька нигде не находился, и я таки, внутренне кривясь, решилась спросить у другого охранника – усатого дядьки с какими-то противным, масляными глазами, которыми он вечно «щупал» задницы почти всех проходящих мимо женщин. Вот ей-богу, после того, как пройдешь, так и хотелось пойти всю пятую точку влажными салфетками антибактериальными протереть. Будто тебя лапами в дерьме изгваздал!

– Ну здрасте – где! – слишком уж громко грохнул он в ответ. – Ты слепая, что ль? Увезли его на «Скорой». Ему какой-то псих башку чуть не проломил и ноги переломал. Догулялся по замужним курвам наш Володька! А я ему говорил – таскай ты холостых баб, мало что…

Я не стала дослушивать и понеслась в раздевалку, ощущая, что от затылка до поясницы ломанулись холодные мурашки. Черт знает почему, но досады от того, что мое договорное бл*дство сорвалось, я не испытывала, как и особого сочувствия к Володьке. Бессердечная я, видно, зараза. Но при этом непонятное тревожное чувство было. Оно, как стая забравшихся под одежду насекомых, ползало по коже, щекоча и покусывая то там, то тут, от чего потряхивало и стало возвращаться чуть унявшееся возбуждение вперемешку с раздражением.

Ну что за сука этот котоволк! Он одним своим случайным появлением пересрал весь день, настроение, планы. Отчего-то именно он виделся виновным в этом обломе. А все потому, что не доведи он меня до неадекватности, я бы не решилась на эксперимент с первым, считай, встречным. А как следствие – не случилось бы вот такого облома. Виновен. По всем статьям. И главное, что, тварь, живет себе спокойно, знать ни о чем не знает! Сейчас, небось, сидит с женушкой своей за ужином в нехилом каком-нибудь особнячке или квартирке квадратов на триста, корчит примерного семьянина, сопли со слюнями чадам вытирает заботливо. Сволочь! А его сто пудов холеная и разодетая супружница и не в курсе, как себя он на досуге развлекает, насильно потрахивая незнакомых баб. Или даже знает, да ей пох? Слыхала я, что в таких семействах на такие «шалости» принято глаза закрывать. Но вот на кой я-то об этом сейчас думаю?

– Да что за херов мазохизм? – прошипела, выходя на улицу.

Эти мысли сделали меня какой-то больной, они были как жвачка в волосах – попала в голову, и никак не выдрать, только, блин, вырезать. Вот какое мне дело до этого мерзавца, до его семьи или ее отсутствия? Почему он все лезет мне в мозги и лезет. И опять и снова. И от такой вот его тусни в моем разуме создавался какой-то гребаный хаос. Мне было обидно, стыдно, больно даже, и тут же то и дело перехватывало дыхание от приливов похоти. Острых, точечных, как

иголки в руках какого-нибудь мастера акупунктуры. Ткнул – и меня душит стыдом и злостью, еще разок шырнул – и в следующую секунду живот изнутри узлом, пальцы в ботинках поджимаются.

Выйдя к Сазану, я первым делом сунула руку в карман его куртки, выуживая пачку сигарет и зажигалку. Долго не могла прикурить, потому что кончик сигареты между моими пальцами устроил дурацкую корявую пляску.

– Эй, Лимонк, ты чего? – удивился друг, отбирая сигарету и подкуривая за меня. – Бросила же.

– Бросишь тут, – буркнула, глубоко затянувшись, и запрокинула голову, выпуская дым в небо.

Мой взгляд упал на фонарь неподалеку, вокруг которого образовался причудливый туманно-радужный ореол, и выпущенный мною дым наложился на него, формируя нечто призрачно-волшебное.

– А, ну, это да, – понятливо кивнул Сазан, тоже прикуривая, пока я доставала телефон и включала камеру. – Ну ты у нас как всегда.

Я сделала еще несколько затяжек, фоткая результат переплетения ночного городского освещения и чудных фигур, создаваемых дымом, и на краткий момент вернулось мое обычное спокойно-созерцательное настроение. Но продлилось оно не долго. Стоило Сазану обнять меня, по привычке, за плечи, скорее уж наваливаясь по-пацански, нежели поддерживая как девчонку, мне в спину будто порывом ветра

ледяного ударило. От неожиданности я даже вывернулась из захвата друга, оглядываясь. Парковка практически опустела, и только на самом ее дальнем конце, почти полностью погруженном во тьму, стоял здоровенный внедорожник. Прищурившись, я едва смогла разглядеть явно мужскую крупную фигуру, прислонившуюся к боку тачки. Вот оттуда, казалось, и перло этим злобным холодом. Хотя… Похоже, у меня уже хреновы глюки на нервной почве. На почве внезапно открывшегося недотраха. А все этот котоволк – урод и гондон сраный! Вот жила я себе и горя не знала, так, какие-то смутно-непонятные желания в котелке варились, особенно по пьяни. Но не такая же вот безумная херота.

– Пойдем, Лимонк! – увлек меня в сторону дома Сазан. – Холодно тут – пипец. У меня уже яйца окоченели!

По дороге к дому я, по своему обыкновению, щелкала все подряд: чужие окна и обрывки жизни за ними, сверкающие из темноты глазищи бродячих котов, дворняг, что устроили почти уютное лежбище-укрытие под балконом первого этажа от начавшего накрапывать мелкого противного дождя. Отражение световых бликов на намокающих под ним поверхностях вокруг. И пару раз все же обернулась, чтобы сверкнуть вспышкой в словно крадущуюся позади темноту, посылавшую не желающие отстать мурашки в спину.

– Да чего ты вертишься? – практически возмутился Сазан, разворачиваясь и всматриваясь. – Я место нашел в автомастерской, слышала хоть меня?

У парня с самых юных лет были золотые руки и мозги, заточенные под всякую технику. Когда нам было по одиннадцать, Сазан сагитировал нас прополоть огород бабе Софе, чтобы немного заработать, и купил у соседа дяди Лехи сломанную бензопилу «Дружба», которую тот хотел сдать в металлолом и затариться самогонкой. А через полгода мы рассекали по деревне на почти настоящем карте, который друг собрал в сарае, использовав перебранный движок пилы и всякий никому не нужный хлам.

– Ух, ты! Это же супер! – порадовалась я за него.

– Пока только на испытательный берут, типа присмотреться.

– Да они, как поймут, кто к ним попал, в ногах у тебя валяться будут, чтобы остался! – нисколько не кривя душой, заверила его.

– Ну уж прям… – пробубнел смущенно и довольно Сазан и вздохнул: – Вот и чего я раньше не пошел?

– Это мы тебя с панталыку сбивали.

– Ой, типа, вы меня силком херней страдать заставляли! – отмахнулся друг. – Ты мне лучше расскажи все-таки, что с тобой творится, Айка. Сколько же в себе носить будешь?

– Ну ты опять! – закатила я глаза.

– Снова.

– Да все со мной хорошо! Клянусь. – Я ускорила шаги и втянула голову в плечи, прячась от усиливающегося дождя и от его пристального взгляда.

– Поэтому ты ночами мечешься, горячая да потная? Стонешь и зубами скрипишь?

На несколько секунд я задумалась, могу ли ему доверить все как есть. Что день за днем и ночь за ночью меня изводят сны, видения наяву, яркие, как вспышки, мгновенные картинки, и в каждой мой разнузданный трах с нашим захватчиком. С тем, кто унизил, обошелся с нами как с дерьмом, пусть мы где-то подобное и заслужили.

Но нет. Такого никто из парней не поймет и через миллион лет. Это просто невозможно.

– Да глисты у меня, вот и скриплю! – нарочито беспечно хохотнула я и перешла уже на бег, спасаясь от правды.

Глава 9

– Ну наконец-то! – раздраженно проворчал отец вместо приветствия. – Мазуровы уже сорок минут здесь, и Алана дважды о тебе спрашивала.

– И тебе добрый вечер, отец, – не снимая маску невозмутимости, ответил я. – Как поживаешь?

– Иди! – нетерпеливо дернул он головой и, подхватив с подноса скользящего между именитыми гостями официанта свежий бокал со спиртным и почти кинув туда свой опустевший, натянул любезную улыбку и зашагал прочь.

Нет, его вечное недовольство и холодность меня не задевают уже уйму лет. С самого детства что бы и как бы я ни делал, это всегда было или не так или недостаточно хорошо. Самая щедрая похвала – «сносно, сын». Подхватил управление семейным бизнесом, когда он пошатнулся, – так и надо. Поднял его на небывалый уровень, взяв под себя чуть ли не полстраны, – нормально. Зачищал за ним и матерью скандальные подробности их похождений и подтирал зад вечно обсиравшемуся братцу – ну за что тут благодарить, семья ведь, так и должно быть. Да и черт с ним, мне давным-давно не нужны ни его одобрение, ни похвалы. Все в духе нашей семейки, зато честно.

– Захар, сынок! – позвала мать через ползала, заполненного гостями. – Ну что же ты так задержался!

Потому что, вообще-то, прилетел в город всего час назад, дорогая родительница, ибо разгребал дерьмо в одном из филиалов, где под нашей охраной, помимо прочего, находились все учебные заведения областного центра и один из наших сотрудников был пойман на педофилии. А региональный директор, вместо того чтобы откреститься от этого ублюдка как можно скорее, всячески содействуя следствию, стал его прикрывать и отмазывать. Кусок дебила. Рекомендовал его как безупречного работника, и все в таком духе, ведь тот ему какой-то дальней родней приходился. Дело дошло до журналюг – сейчас это в один момент случается – и имя нашего холдинга начали трепать все кому не лень. Как результат – мы чуть не лишились всех объектов там. Не катастрофическая потеря в целом для фирмы, но такие вещи имеют свойство принимать эффект домино. Отказались там, и понеслось бы. Пришлось убить три дня, устраняя последствия. Но кого бы здесь это волновало, правда, мама?

Куда как важнее, что милая Алана, с прицепом очень нужных для отцовской политической карьеры родителей, заждалась вся. А я только и успел, что принять быстрый душ с дороги и переодеться. И больше всего на свете сейчас хотел бы лежать на диване с бокалом чего покрепче. Или не лежать, а сворачивать под разными углами мою мультяху, до которой еще добраться надо. Но, опять же, кого тут волнуют мои желания.

Нацепив на рожу псевдорадостную улыбку, я подошел

к своей паре и приложился к руке, изображая долбаного джентльмена, которым не являюсь. Я хренов мерзавец, что принуждает к траху девушку, запугав ее, и, черт возьми, не испытывающий от этого никаких угрызений совести. Наоборот, от воспоминания и предвкушения у меня встает, да так, что аж скулы сводит.

– Давно не виделись, Захарка, – прошептала Алана, притираясь ко мне, как только я закончил расшаркиваться с ее предками. – Я соскучилась.

А я нет. И терпеть не могу этого твоего «Захарку».

– Ничего не замечаешь? – Она изящным жестом взмахнула у своего бока, заставляя меня присмотреться.

– Ты похудела. Прекрасно выглядишь, – процедил я абсолютную ложь.

На самом деле она стала просто дико костлявой, даже обычно роскошная грудь сильно потеряла в размере. А я на кости не ведусь. Люблю упругие сиськи и задницы.

«Любить-то любишь, а слюной давишься и дрочишь уже сколько совсем на другое», – язвительно заметило подсознание. Заткнись!

– Ты выглядишь немного усталым, – проворковала Алана. – Может, найдем уголок потише? Я могу плечи тебе размять.

Да как же! И глазом моргнуть не успею, как ты возьмешься член мне разминать, и совсем не руками. Так-то я и не был бы против. В поездке в ресторане вечером ко мне под-

катила местная красотка и сунула ключ от номера, и я даже пошел, твердо намеренный хоть один вечер забыться в хорошем пореве с нормальной бабой в моем вкусе. Но на деле оказалось, что задумывался тройничок и мне предлагалось драть эту шлюшку на глазах ее совсем не юного мужа. У него, видите ли, по-другому уже не встает. Стало тошно, и я ушел. Я не хренов клоун и не секс-девайс в чужих игрищах. Я решаю, когда, кого и как. Всегда так было. Вот только с проклятой большеглазой куклой что-то идет не так. Вместо того чтобы оказаться подо мной три дня назад, она спокойно свалила в компании своего недопырка-дружка. Рыцарь сраный, встречать пришел. Ничего мне не стоило выйти к ней, шугануть его, забрать Аяну. Пошла бы, куда бы делась. Напугал бы опять, увез и драл бы до утра. Но это ломало все мои планы. Ведь теперь я хотел ее приручить. Подсадить на себя. Так что мне только и оставалось, что следовать за ними в темноте и подавлять потребность поотрывать наглые лапы этому типа другу. Как же, друг! За которым шлейф вожделения к ней такой тянется, что хоть нос затыкай. А Аяна будто чувствовала меня, все оборачивалась, всматриваясь в темноту. Только когда они скрылись в подъезде, я осознал, что тащился за ней, словно какой-то рехнувшийся жалкий сталкер. Я! Ну ничего, за каждый грамм моей неадекватности я с нее втройне спрошу. Так мозги взорву, что будет на коленях ползать, выпрашивая мой член.

Со стороны входа донесся какой-то шум, и отец сделал

мне знак подойти, спасая от необходимости придумать отмазку для Аланы.

– Твой братец явился! – прошипел он мне. – Снова пьяный в задницу! Пойди и сделай с этим что-нибудь, пока он не ввалился и не опозорил нас.

Ну как обычно. Я пошел по коридору, уже издалека слыша пьяное варняканье младшего, хамящего охране.

– О! Вы посмотрите, сам наследничек вышел меня встречать! – ухмыльнулся Родька, опасно покачиваясь на крыльце. Прекрасно! Припарковал он свой позорно красный «Мазерати» прямиком на клумбе у центрального входа. Выглядит как хипстерское бородатое чмо и ездит на такой же чмошной тачке, в которой только телки губастые нормально смотрятся, но никак не нормальный мужик. Но какой с него мужик?

– Пойдем! – Я жестко взял его за локоть и потащил к служебному входу.

Он и раньше был любитель злоупотребить чем-нибудь, но последнее время, что-то с цепи сорвался. Месяца два уже, как ежевечерне мне приходилось посылать кого-нибудь из парней забрать невменяемого родственничка из очередного клуба или кабака.

Родион дергался и что-то орал, пока я тащил братца в его старую комнату в родительском доме, но я даже не пытался вслушиваться. Молча втолкнул в ванную, сунул в душевую кабину и крутанул вентиль холодной воды.

– Сука-а-а! – заорал он, закрываясь руками от ледяного потока. – Всегда ты со мной так!

– Как заслуживаешь, – отрезал я, толкая обратно, стоило ему попытаться ломануться из-под душа. Зараза! Вот теперь еще и рукава замочил. Ушлепок мелкий!

– Ну конечно! Заслуживаю! Кто я такой в вашем драгоценном семействе! Так, позорище, бл*дское свидетельство косяков, на которое тошно всем смотреть!

– Надо же, а ты в таком состоянии способен еще на самоанализ и построение внятных фраз, – подколол его я, хотя смысл вообще говорить с пьяным.

– Давай, стебайся, наследничек и отцовская единственная надежда, бля! – рявкнул он.

– Прекратишь нажираться, нюхать дурь и устраивать концерты, и тебе припаяют титул такой же, если он тебе настолько нужен. – Я позволил ему вывалиться и кинул в лицо полотенце, но брат тут же швырнул его назад.

– Да пошел ты на хер, Захар! Хорош меня уже держать за идиота! Знаю я уже все! Папаша твой рассказал!

– И что же такого рассказал наш отец? – Зачем я с ним тут беседы веду? У него, небось, очередной приступ пьяного бреда, он завтра и не вспомнит, что нес.

– Захар, сынок, все тут нормально? – Мать появилась в дверном проеме и болезненно брезгливо поморщилась, глядя на младшенького.

– Ни хера у нас не нормально! – вскинулся этот алкаш,

начав сдирать с себя рубашку. – А все твоя вина, мамочка! Тебе так нужно было раздвигать ноги перед тем козлом, своим любовником, да? Ладно трахалась, но залететь-то могла и от мужа!

– Родион, немедленно прекрати!

– Это ты кончай ломать комедию и свали! И этого своего сынка чистокровного забери! Нагулянный ублюдок в вашей заботе и компании больше не нуждается!

Вломившись в спальню, он, сопя и матерясь, стянул остатки мокрой одежды и бухнулся на кровать.

– Все, аудиенция окончена, дорогие родственнички! – буркнул он едва внятно и почти сразу отключился.

– Ничего не пояснишь? – повернулся я к матери.

– Я твоя мать, и у тебя нет права спрашивать меня о подобном, – вскинула она заносчиво подбородок.

– Как скажешь. Мне, собственно, без разницы. Только подутомило нянчиться с вашим младшим ребенком, хотя это так-то ваша родительская обязанность. Денег бы, что ли, перестала ему давать, авось за ум взялся бы.

Мать чуть приостановилась на выходе и покосилась на похрапывающего во сне Родиона.

– Ты не понимаешь, Захар. Деньги – это все, что я и могу ему дать, – дрогнувшим голосом сказала она, впрочем, сразу же вернув себе свою обычную ледяную царственность. – Ты идешь?

– Ну уж нет, мама, иди сама. А я тут с братишкой посижу,

мало ли что, – не скрывая язвительности, отмахнулся я.

– Захар, надеюсь, ты понимаешь, что вечно эта ситуация с Аланой тянуться не может. Тебе почти тридцать четыре, и ей тоже, давно пора…

– Я в курсе! – невежливо оборвал я ее и захлопнул дверь

Подождав для приличия минут пять, спустился, выскользнув опять через служебный вход, и укатил прочь, намереваясь завалиться спать, наплевав на все эти семейные заморочки. Не касаются они меня!

Но спустя полчаса очутился на парковке перед проклятым торговым центром, где работала моя мелкая мультяшка. Ну что же, значит, судьба. Задолбало меня собственноручно передергивать. Сегодня ее получу, похрен как. Я придумал правила игры, я их и меняю как хочу. Прирученная там или нет, куда она от меня денется.

Глава 10

– Твою мать!

Идиотская пирамида из проклятущих консервных банок, которую мне велели построить в честь какой-то там акции, уже во второй раз выходила на редкость уродско-кривой, что заставляло чувствовать себя рукожопой.

Вроде бы ну что там делов: ставь банку на банку с равными промежутками, но я все время косячила, потому что никак не могла сосредоточиться на монотонной работе. Из головы никак не шел конфликт со Шмелем, случившийся при его обычном в последнее время появлении ближе к утру. Сазан встретил меня вечером с обрыдлой работы, прихватил пакеты с продуктами и забалтывал, рассказывая о всяких курьезах в автомастерской, куда пристроился. Но вот дома мы не застали не только вечно гулявшего Шмеля, но и Мелкого, что с того случая заделался конкретным домоседом. На мой удивленный взгляд друг неопределенно пожал плечами и смылся на кухню, как мне показалось, слишком уж поспешно. Ну и ладно, может, это просто признак того, что все мы отходим от случившегося в том подвале… Все, кроме меня, видимо, учитывая, что состояние буквально грызущего тело голода по ощущениям, навязанным моим котоволчарой, нарастало и нарастало. Где этому предел, и как скоро я тупо начну бредить наяву или брошусь на кого-то из дру-

зей или на случайно подвернувшегося незнакомца с мольбой хоть немного снизить градус этой невыносимой похотливой хрени? И какой он там мой! И как так-то, что одна ночь, нет, даже всего лишь несколько часов – или сколько там это длилось – смогли своротить мне мозги, поменять в них полярность, принуждая теперь снова и снова мысли кружиться по заклинившему маршруту. Тому, куда они до этого почти и не сворачивали, зато теперь намертво застряли, забуксовали, как севшая в глубочайшую колею тачка, и сколько ни скребись, поднимая тучи грязных брызг, а толку-то ноль.

Ввалились парни домой часа в четыре утра, явно хорошо поддатые, давясь молодецким ржачем. Шмель первым пошел в душ, а Мелкий засел на кухне, где я его и застала пьяно пялившимся в паспорт, лежавший перед ним на столе. Заметив меня, он суетливо дернулся, сгреб документ и стал неловко совать тот за пазуху.

– Ты чего? – широко зевнув, спросила я удивленно.

– Ничего. – Мелкий заерзал, пряча глаза, и мне это совсем не понравилось.

– Эй!

Что-то однозначно было не так – уж я его как облупленного знаю.

– Я сказал же – ничего! – неожиданно окрысился парень, и как раз из ванной вышел Шмель.

– Лимонка, ты чего? – насторожился он.

– Я? Это вы, кажись, ведете себя странно. Не хотите объ-

яснить, какого хрена происходит?

– А с чего это мы должны? – набычился теперь уже Шмель.

– В смысле? – Я не ожидала такой откровенно агрессивной реакции и тоже мгновенно завелась: – Ты каждую ночь пропадаешь, бухаешь, не просыхая, или даже обдалбываешься, не говоришь ни с кем, бабки откуда-то…

– Я большой мальчик, а ты вроде как не была моей мамашей. И девушкой тоже, чтобы предъявлять что-то, – повысил голос Шмель. – И я не говорю с тобой, Лимончик, а все потому, что тебе вдруг вздрючилось изображать из себя честную труженицу и торчать по двенадцать часов в том занюханном магазине, и возвращаешься домой едва на ногах стоя.

Я даже отшатнулась, ошарашенная бьющим от него негативом.

– Я работаю! Этим люди обычно и занимаются! Мы за тем сюда и приехали, если еще припоминаешь. Учиться и работать.

– Мы жить сюда приехали. Круто жить, Лимончик, а не как раньше в нашем захолустье, – фыркнул презрительно Шмель, и я с изумлением увидела, что Мелкий закивал согласно.

– А работать надо, когда есть нужда в деньгах, мы вроде раньше были в этом едины. И не жопу рвать, ишача, а брать что полегче и пожирнее, – продолжил гнуть свое придурок, которого, видно, жизнь ничему не учит. – А того, что я при-

ношу, нам хватает. Так нет же, вы с Сазаном с какого-то хрена решили изображать из себя черт-те что! Это из-за вас мы больше не друзья, не тусим, не отрываемся, а так, болтаемся каждый сам по себе, как говно унылое в проруби. С вами же уже и потрындеть не о чем!

– Унылое? – окончательно вспылила я. – То есть мы унылые и скучные, а ты решил вернуть в нашу жизнь обратно веселье и в это Мелкого тянешь? Напомни, чем закончилась последняя твоя идея повеселиться?

– Ой, ну что вечно теперь об этом вспоминать! – тут же начал прятать глаза Шмель. – Было и было, пора забить на это и дальше жить. Жить, понимаешь, пока молодые и есть на это силы. Сесть на задницу и каждый день со скуки подыхать, работая от звонка до звонка на дядю, мы всегда успеем начать.

Мои кулаки сжались, и наружу так и прорывались упреки. Но смысл в них? Сама еще совсем недавно была такой же, и чего уж врать – монотонная пахота в супермаркете мне поперек горла. Ну а что делать? Опять начать всяких мажоров на бабки подрезать? Гулять, беситься, напиваться, укуриваться, пока это опять не закончится в каком-нибудь подвале и на этот раз без условно счастливого билета, каким-то чудом затерявшегося у меня между ног. Нет, с меня такого хватит. Второй раз я на это не подпишусь – терапия железно сработала и с первого «лечебного сеанса».

– Что вы затеваете? – отчеканила я, складывая руки на

груди.

– Ничего… такого, – пробубнил Мелкий, утыкаясь взглядом в пол. – Ничего, правда, Лимонк. Не парься, все норм будет.

Соврал. Гаденыш. Но знаете что? Похер!

Уснуть я, конечно, не смогла больше, как и забить на самом деле. Поэтому теперь к злости, пережевывающей нервы и нутро, неудовлетворенности и раздражению на себя за это добавилась еще и отупляющая сонливость. Но она слетела в миг, когда я засекла моего захватчика, шагающего по проходу. И он смотрел прямо на меня, не оставляя и грамма сомнений, что узнал, и его желтючие нечеловеческие зенки как к месту меня приколотили, отнимая контроль над ногами и лишая способности к бегству, хоть внезапный приступ паники и промчался от макушки до пяток, замораживая и тут же кидая в жар, и заставил сердце бешено замолотить в ребра, как заключенного, требующего немедленной свободы.

Каждый уничтоженный им метр между нами – новый виток звука завывшей внутри тревожной сирены, все выше и интенсивнее, по зазвеневшим, как стекло, нервам, по вспыхнувшей коже, по моментально пришедшим в окончательное неистовство инстинктам.

– Смотрю, сегодня ты не убегаешь, – сказал он, остановившись передо мной и кривовато ухмыльнувшись. – Правильно делаешь.

Выходит, он меня и тогда прекрасно видел? Но сделал

вид, что нет. Мне бы об этом подумать, а вместо этого что слышала я?

«Хорошая, хорошая голосистая девочка! – хрипло и довольно мурлыкал мне в ухо тот же голос. –Хочешь кончить еще разок? Хо-о-оче-е-ешь! Как сильно хочешь? Ну давай, попроси меня. Проси, и я сделаю так, что мы оба умрем от кайфа!»

И я просила. Как же я просила! Не видя ничего перед собой, потому что утонула в жгущей заживо потребности, не слыша, каким униженным скулежом, наверное, звучал собственный голос…

– Не рада мне? – продолжил ухмыляться котоволчара, пока я молчала и тратила все силы лишь на то, чтобы не свалиться к его ногам и не задохнуться из-за того, что этот мерзавец украл весь воздух между нами.

– А должна обрадоваться? – прохрипела, наконец справившись с собой.

– Почему бы и нет. Помнится, мы крайне продуктивно и насыщенно провели вместе время в прошлый раз. Ты кончила, очень, очень бурно кончила шесть… нет, семь раз.

Что-то меня все вокруг последние сутки пытаются обрадовать весьма специфическими способами. Звезды сейчас, что ли, как-то раком встали?

– У меня был выбор отказаться от столь щедрого удовольствия? – Уверенность и контроль над телом и голосовыми связками возвращались по капле, поддерживаемые злостью,

но и удушливой липкой, как густой сироп, похоти меньше не становилось ни на грамм. Совсем наоборот. Как такое возможно?

– А разве нет? Другие варианты я озвучил тоже абсолютно четко и без обиняков. – Его глаза цвета зрелого меда остановились на моих губах, и у меня снова перехватило горло.

«Отсоси мне».

Тяжелые, густые, белесые струи, обжигающе бьющие в мою кожу. Его огромный кулак сжимающий и накачивающий извергающий их здоровенный член. Толстые вены, вздувшиеся на напряженном запястье, на лбу и виске, пока его колбасило и дергало над бессильно распростертой мною. Ну и где ты, спасительный приступ тошноты от отвращения? Этот урод обкончал меня, не спрашивая разрешения, плевать он на него хотел, на меня в принципе. Он сделал намного больше, не интересуясь моим согласием, попользовался, как вещью, назвал никем. Ненавижу ли я его за это? Еще как. Но это ни хрена не помогает с основной моей проблемой. Я до изнеможения и дрожи в коленях хочу еще раз пережить то, что он сотворил с моими ощущениями и телом. Насколько ничтожной и жалкой меня это делает? Подумаю об этом потом, когда он, по крайней мере, не будет стоять прямо передо мной и пялиться так, будто уже трахает. Или точно знает, что в моей голове заезженной пластинкой прокручивается каждая секунда той ночи.

– Говоришь о том, что откажись я спать с тобой, и ты бы

отдал нас под каких-то извращуг?

– Ты еще и в обиде? – фыркнул он насмешливо. – Вы сожгли мой дом, и думаешь, полчасика сна рядом со мной это компенсирует?

Что, бля?

– Полчаса? – офигев, прошептала я. Не может быть, чтобы все эти развратные вещи, перевернувшие мое сознание и перекособочившие мозги, длились всего…

– Ты же определенно именно сон упоминала, – продолжил явно развлекаться он. – А спала ты как раз столько, потом что-то всполошилась, побежала куда-то.

Ну и скотина же! А я сраное похотливое животное, что внутри уже все трясется от неимоверного голода. Хорошая же из нас вышла бы парочка, да только нам ею никогда не стать. Так что нужно немедленно прекратить вот это вот все.

– Вам что-то подсказать? – буквально спасая меня, рядом с волкокотом появилась Снегирева, и в этот момент я подумала, что не такая уж она, по сути, стерва.

– Я велел тебе не стричься, – полностью игнорируя ее, сказал он мне. – И рыжий терпеть не могу.

Ух ты, как я удачно угадала. Промолчала и вернулась к возведению проклятой пирамиды, с остервенением шарахая банкой о банку. И испуганно замерла, когда мой бывший почти насильник шагнул ближе и поймал прядь из челки. Потер ее между пальцами. Стремительно нагнулся и вдохнул у моего виска, в то время как у меня весь воздух в легких

окаменел.

– Мне нужно повторение, Аяна, – едва слышно, но абсолютно четко произнес у моего уха. Ни тени вопросительной интонации. Потому что это не предложение, от которого можно отказаться. Мерзавец просто ставил меня в известность о своих желаниях и планах воплотить их в жизнь.

– Не… Нет! – через силу выдавила я так же тихо.

– Да, – ухмыльнулся он и повернулся теперь к так и торчавшей рядом столбом Снегиревой, что пожирала нас любопытными зенками. – Во сколько там заканчивается рабочий день у Батоевой?

Спросил таким тоном, словно был местным самым важным начальством.

– Через два… – начала невнятно блеять моя начальница.

– Сейчас, – отрезал котоволк так резко, что она аж шарахнулась, и вдруг покорно и часто закивала.

Какого хрена?

– Нет, – снова сквозь зубы процедила я.

– Я ведь запросто могу сделать так, что работать тут не будешь не просто сегодня, а совсем. – Его губы почти коснулись моего уха, вызывая серию тянущих сокращений в низу живота и целую бурю бешенства одновременно. – И вообще нигде.

Ну и тварь!

– Пошел ты! – прошипела, не рискуя даже шевельнуться и повернуть голову. Господи, ну как все может быть таким

абсурдным и катастрофичным?

– Умираю от нетерпения сделать это, как и ты, Аяна, – ответил он, резко сжав мою ягодицу через ткань. – А теперь живенько топай собираться. И даже не помышляй улизнуть: от меня не сбежишь, а преследование меня только заводит. А тебе бы сегодня хотя бы за эту дурацкую стрижку и жуткий цвет волос потянуть рассчитаться.

Он стал настойчиво подталкивать меня к входу в служебные помещения, оставляя Снегиреву позади. Завтра меня встретит море-океян сплетен.

– Я тебе ничего не должна! – огрызнулась, попытавшись упереться.

Внезапно лапища моего захватчика легла на мой затылок, захватывая его как чашей, и он резко повернул мое лицо к своему. Его губы почти врезались в мои, остановившись в считанных миллиметрах.

– Ты мне, бл*дь, должна все! – прорычал он. – Все! Поняла? И еще чуток сверх этого.

– Я не хочу, – хрипло возразила, умирая от необходимости убить последнее расстояние. Все, на что уходили силы, – не зажмурить глаза и не впиться в его рот.

– А вот вранья не надо. Между нами его не будет, Аяна. Моя кукла не может мне лгать.

– Я не твоя…

– Моя. Хочешь докажу? Суну руку прямо здесь в эти твои безобразные штаны и найду промокшей насквозь. И зна-

ешь что? Если я это сделаю, ты и словом не возмутишься, а будешь ерзать по моим пальцам, выпрашивая оргазм. Тебе ведь будет наплевать, где мы и кто вокруг. Так?

– Нет!

Да! Провались ты и гори огнем, но… да. Котоволчара хрипло рассмеялся, но отчего-то я ощущала, что ему совсем не до веселья. И не была единственной, кому стало бы все безразлично, кроме безумного желания трахнуться, если бы он сделал, как сказал. Или допустил лишь малейшее прикосновение наших губ.

– Собирайся! – приказал он, практически грубо отпихнув от себя и рвано задышав. – Живо!

Глава 11

– А вы, видать, какой-то родственник Аянкин? – нарисовалась рядом едва замеченная мною около моей мультяхи крашеная и кучерявая, как овца, блондинка с чрезмерно обильными формами, но что гораздо противнее – с похотливо-расчетливым взглядом, которым она облапала всего. От макушки до дизайнерских лоферов. – Дальний, наверное.

Я обычно женщинам не хамлю, в худшем случае игнорирую, но эту остро захотелось послать на хер. И не только потому, что у нее на лбу написано, что она одна из тех человеческих особей, вечно распускающих и смакующих всякие слухи погрязнее и побредовее. И не из-за вожделения напополам с меркантильностью, загоревшихся в ее щедро накрашенных зенках после оценки моего экстерьера и предположительной состоятельности. Такое в порядке вещей. Нет, меня задел едва уловимый для обычного слуха налет презрительности и превосходства, с каким она произнесла имя моей кукляшки, будто она ее ровней себе не считает. А такое позволено исключительно мне.

Сразу вспомнился едкий флюид раздражения в общем сладком, уносящем мою крышу с места до ста за один вдох аромате возбуждения Аяны. Именно он, этот запах моментально взорвавшегося в проклятой девчонке желания, снес начисто половину моего разума, способную отвечать за

условности, навязанные цивилизацией в отношениях между мужчиной и женщиной. Такие как предварительный флирт, необходимость соблазнения или хоть иллюзорная видимость соблюдения и уважения чужих границ и прочей ерунды. Конечно, после первого нашего беспредельного с моей стороны раза было почти неуместно вспоминать о таком, но все-таки у меня же был некий план перевести контакты с Аяной на рельсы относительной адекватности, присущей двум взрослым современным людям. Ладно, в основном поиграть в него, не забывая при этом, что она для меня лишь временное острое помешательство, забавная заводящая шарада. Однако я не собирался опять пугать, принуждать, нагибать. Хорошо, не сразу. Правила были придуманы другие. Насилие и давление – лишь как последний аргумент в том случае, если она окажется совсем уж упрямой и не способной покориться диктату своей плоти и учуять очевидной выгоды от горизонтальной дружбы со мной.

Но этот сумасшедший аромат… он все разнес начисто. Вмазал в башку, как упавший с черт-те какого этажа кирпич. Захлестнул удавкой горло. Наполнил рот фантомным вкусом ее влаги. Превратил мою похоть из беспрерывно нудящей, как больной зуб, что не унять насовсем никаким анальгетиком, в удушающе-безумную. Отменил все надуманные игрища, оставив лишь свирепую нужду поиметь ее немедленно.

Моя адская кукла-м***у***ка выскочила из служебного помещения буквально через минуту после того, как вошла, натя-

гивая на ходу куртку цвета хаки и цепляя на плечо мешковатый рюкзак. Огромные глазища сужены до тонких щелей, ноздри изящного носа ходуном ходят, губы, что сожрать хочу, сжаты в белую линию, вся ссутулена и взъерошена. Зла явно до невозможности, и у меня от этого свело в паху все до тягучего спазма, аж поясницу гнуть начало. Сейчас бы лицом к стене развернуть, вот такую пыхтящую от бешенства, и уже через считанные секунды услышать стоны удовольствия. Сколько ты продержишься, мультяха? Минуту? Меньше?

Я сдернул широкую лямку с ее торчащего даже сквозь слои ткани плеча, заработав яростный взгляд, и нагло ухмыльнулся в ответ.

– Вот так, правильно, де-во-чка, – поддразнил ее и указал жестом на ближайший к моей машине выход. – На меня смотри, а не в пол.

– Зачем ты это делаешь? – процедила она сквозь зубы.

Потому что ты, мелкая зараза, мне кишки узлом завязала и мозги своротила. Потому что заколебался дрочить, представляя тебя, какой уже была подо мной и еще обязательно будешь. Потому что извести тебя из себя, как чертову отраву, хочу, да что-то пока никакие противоядия не срабатывают, так что стану травиться тобой и дальше. Потому что хочу тебя, хочу до одурения, до пальцев скрюченных, до сраного постоянного выпадения из реальности в фантазии, невзирая на время и место.

– Затем что могу? – продолжая ухмыляться, ответил ей.

«Урод», – еле слышно прошептала Аяна, и за это я тут же мысленно отодрал ее прямо на ближайшем поддоне с товаром, что мы миновали. На четвереньках. Заставляя выгибаться в спине до предела. Засаживая по самые яйца. И только пока мысленно. Скоро все будет.

Открыв заднюю дверь, закинул ее рюкзак и распахнул переднюю пассажирскую, приглашая сесть с подначивающе-радушным склонением головы. Но она затопталась в шаге от тачки, словно в последний момент все же сочла мысль о бегстве наилучшей. Дурочка, ты сегодня уедешь отсюда со мной, пусть хоть камнепад, хоть огонь небесный приключатся. Вообще без вариантов.

– Ты говорил, что тот раз будет единственным! – выпалила она, сжигая меня своими глазищами, погибельными омутами.

– Неужели? – нагло осклабился я в ответ. – А ты точно все хорошо запомнила из сказанного и произошедшего той ночью?

Ее зрачки резко расширились, Аяна прикусила нижнюю губу, слишком очевидно давя судорожный вздох, а меня накрыло новой волной выбивающего из-под моих ног почву, а из головы последний контроль аромата. Твою мать! Где взять силы не взять… прямо здесь, на этой парковке?!

– Все!

– А я вот в этом сомневаюсь. Я сказал, что отпущу тебя и твоих дружков в этот конкретный раз после того, как ты

покажешь себя послушной паинькой, а не то, что тот раз у нас будет единственным.

Ладно, я откровенно перекручивал, и именно единичный случай тогда и подразумевался изначально, но кто же знал, что все так усугубится для меня. Не фиг было вот так меня зацеплять, мультяха, пусть ты на самом деле ни хрена для этого нарочно и не сделала. Но тут закон жизни: кто сильнее, тот и берет что возжелается. Цитируя классика: «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать».

– Брехун! – возмущенно огрызнулась Аяна, все еще продолжая топтаться на месте и упрямо сжимать свои смехотворные кулаки, как если бы раздумывала мне врезать. Давай, бросься на меня, спровоцируй.

– Считаю, что милой девушке больше подойдет нечто вроде «коварный лжец», – поправил, прекрасно понимая, что довожу. Вот только кого больше: ее или себя?

– Мне по хрену что ты там считаешь, – повысила она еще голос. – И трахаться с тобой я не хочу, потому что это противн…

Дозвучать этой пламенной речи я не дал, молниеносно метнувшись вперед и схватив ее за тоненькое запястье. Стремительно, но стараясь не причинить боли, дернул на себя, одновременно разворачивая и наваливаясь, вдавливая в металлический бок авто. Опережая испуганный вскрик, зажал ладонью рот и беспардонно вклинил свое бедро между ее ног, и как бы она там ни трепыхалась, но они податливо разошлись

под моим натиском, позволяя практически усадить на себя. Даже сквозь ткань меня ошпарило жаром ее промежности, а атака вожделенного запаха едва не подрубила колени. Сжав зубы до хруста, я запретил себе утыкаться носом в изгиб ее шеи, касаться губами кожи даже мимолетно, или быть моей мультяхе отодранной без всяких церемоний немедленно. А я хочу еще помучить-помучиться, посмаковать-попредвкушать, а потом оторваться по полной. Поэтому удерживал ее так до тех пор, пока она не прекратила вырываться, смиряясь с неоспоримой силой собственной потребности во мне, и не обвисла почти бессильно, подрагивая, всхлипывая и сопя.

– Вот так, моя куколка, – прошептал у ее уха, заставляя дрожать сильнее. – Как я и сказал, врать ты мне не можешь. Трахаться ты со мной хочешь, да еще как. Смирись и прими это.

Аккуратно отпустил Аяну, и показалось – она готова рухнуть. Но и сам-то едва стоял.

– Поехали, – подтолкнул ее, вынуждая сесть.

– Куда? – спросила она хрипло, уставившись перед собой ошеломленным взглядом. Да, детка, узнавать и признавать за собой некоторые вещи, особенно идущие вразрез с твоим обычным восприятием, довольно шокирующе. Добро пожаловать в клуб секс-неадекватов, тем более что мне членский билет вручила ты.

– Здесь недалеко.

– Меня… меня друг встречать придет, – кусая губы на-

верняка до боли, пробормотала она.

– Не моя проблема, – отмахнулся, выруливая с парковки и раздраженно посигналив какому-то тормозящему оленю. – Позвони и скажи, чтобы не приходил.

– Это… надолго? – пряча глаза, она полезла в карман и рука ее отчетливо тряслась.

– Ну тут уж как пойдет! – хохотнул я и пожалел, заметив, как она сразу съежилась. – Прекрати! Ничего страшного с тобой не будет. И ничего из того, что тебе бы не понравилось.

– Будто это меня радует, – сверкнула Аяна глазами.

Она только разблокировала экран, как ее телефон завибрировал. «Мама» , – успел я выцепить взглядом имя и фото миловидной женщины явно восточной внешности. А вот голос, что я прекрасно мог расслышать, был отнюдь не женским.

– Ну и когда ты намерена перестать маяться дурью и вернуться, чтобы помогать матери с младшими? – без всякого приветствия и с четкими нотками откровенного наезда начал он, и моя мультяха напряглась опять. Только в этот раз совсем по-другому. Пахнуло ее страхом и злостью. – Она, между прочим, опять упала и руку сломала и надрывается тут, пока ты там прохлаждаешься, по кобелям шляешься и семье ни грамма пользы не приносишь!

– Что ты ей сделал?! – натурально зарычала Аяна, подаваясь вперед, словно готова была выпрыгнуть прямо сквозь лобовуху.

– Я? – пьяное притворство в голосе собеседника Аяны я тоже прекрасно мог расслышать. – Когда это я ей хоть что-то делал? Это сама она неуклюжая растяпа, и ты не дочь, а так, оторви и выбрось, были бы нор…

– Мать мне дай! – рявкнула моя грозная мультяха, и внезапно мой зверь встрепенулся, прислушиваясь и подобравшись к самой моей коже. Причем не обычно легкий на подъем похотливый кот, а вечно нелюдимый, никогда не желавший прежде общения волк.

– Хочешь поговорить с ней – поднимай задницу и приезжай домой! – развязно заявил мужик и сбросил звонок.

– Сука! Тварь! – пробормотала Аяна, безуспешно набирая тот же номер снова.

– Куколка, если у тебя проблемы, то на твою удачу я тот самый парень, что обычно помогает от них избавиться, – заметил ей, сворачивая во двор новой многоэтажки.

Несколько лет назад один из моих клиентов-застройщиков предложил мне приобрести пару-тройку квартир на фазе котлована и был редким представителем из их братии, что никого не кинул, и мои вложения окупились. Или просто знал, что кинуть меня будет весьма и весьма чревато и как от обычных дольщиков за границей потом не спрячешься. Теперь у меня здесь пустовало аж три квартиры на разных этажах, и одну из них – большую такую студию с хорошим видом на местный парк – я в свое время обставил и оснастил всем необходимым как раз для того, чтобы водить туда слу-

чайных баб. Мой дом – моя территория и крепость, и там им делать нечего, и даже где он, знать не всем нужно. Только родне и самому ближнему кругу.

– Нормальные люди обращаются с проблемами к друзьям, а не к левым мужикам, что решают чужие заморочки совсем не задаром, – продолжила огрызаться моя колючая игрушка.

– Ты имеешь в виду тех друзей, благодаря кому и состоялось наше незабываемое знакомство? – не преминул я ткнуть ее в очевидное, схлопотав новый злобный взгляд. – И ты права, даром ничего не бывает, но тебе же уже известна валюта нашего взаиморасчета, так что ничего неожиданного.

– Не буду с тобой об этом разговаривать, – насупилась неуступчивая кукла.

– Да как пожелаешь, – легко согласился я. Завтра же отдам распоряжение все на нее нарыть и на ее родственников в том числе.

Властно положив растопыренную ладонь на ее тут же одеревеневшую поясницу, я повел Аяну мимо уставившейся изумленно консьержки к лифту.

– Вот теперь бедная бабулька подумает, что я с роскошных женщин переключился на мальчиков-подростков по современной моде, – ухмыльнулся, толкнув девушку к стене.

– Да уж, я точно на роскошную не тяну, – едко заметила мультяха, и только тогда я осознал, как по-мудацки прозвучало.

– На роскошную – нет, – нахально притер ее к стене, лиз-

нув скулу. Сука, да что ж такого во вкусе ее кожи? В запахе? Что же ведет так мигом? Да наплевать. Главное, что все, уже можно, почти на месте. – Ты тянешь на ту, от которой у меня стояк бешеный двадцать четыре на семь.

– Видать, это какое-то особенное достижение с моей стороны. Типа, должна быть польщена? – Все кусаешься, мелочь? Ну так и я могу!

Прихватил зубами мочку ее уха до тихого возмущенного писка, пососал, снимая боль, сжав одновременно грудки-яблочки сквозь ткань, и вдавился налитым гудящим членом в ее задрожавший под моим натиском живот. Аяна среагировала моментально. Всхлипнув, заизвивалась подо мной, поднимаясь на носочки, сама не понимая, похоже, что делает, начала тереться об меня, покорно подставляя шею под новое нападение моего рта.

Моя девочка-то тоже на грани, как и я сам. Из лифта я ее выносил, все так же плотнее некуда прижатую ко мне, целуя жестко, царапая тонкую ароматную кожу на горле. Толкался к ней готовым взорваться членом, слепо тыча в замок ключами. Застонав совершенно убивающе меня жалобно, Аяна наконец совсем слетела с катушек и обвила мою шею руками, покорно откидывая голову назад, и вдруг подтянулась, обвив еще и ногами.

Когда мы ввалились в квартиру, она уже вовсю сама проезжалась обжигающе горячей промежностью по моему стояку, доводя до неистовства этими неумелыми ерзаньями и

жадными вздохами-всхлипами.

– Вот так, умница, хорошая озабоченная куколка, – нервно хохотнул я от ее энтузиазма, хоть мне давно было не до веселья. Еще чуть, и по штанам потечет.

Аяна заскулила, как несчастный раненный детеныш, когда я усадил ее на тумбу, отстраняясь и сбрасывая пальто. Потянулась за мной, глядя невидяще, одурманенно, чуть не рухнув лицом вперед. Она уже не принадлежала себе абсолютно, об этом яснее ясного вещала и крупная дрожь всего ее хрупкого тела и запах, что уронил-таки меня на колени перед ней.

– Совсем плохо, да, девочка? – прохрипел я, даваясь пропитанным ею насквозь воздухом и срывая по ногам поганые джинсы сразу с трусами. Мне уж точно было трандец как невмоготу. Необходимо в нее хоть как-то, хоть чем то. – Тихо, малыш, сейчас все будет… сейчас.

Освободив ее от одной штанины и ботинка, я резко дернул, закидывая ее ногу себе на плечо и буквально роняя мокрой сердцевиной на свое лицо. Да, зара-а-аза, да! Вкус, по которому у меня была жесткая ломка, вспыхнул на моем языке, срывая начисто крышу, а в уши полился самый кайфовый звук – протяжный гортанный стон моей мультяхи, готовой кончить для меня уже через секунду.

Глава 12

Я была в шоке. Ошеломлена. Убита начисто. Раздавлена изнутри собственными же реакциями и ощущениями. Снова. И два оргазма, промчавшиеся по мне зубодробительными локомотивами, никак не помогли смириться со всем этим дерьмом. Не считая того первого в прихожей, когда я сама, как реально чокнутая, начала цепляться за моего котоволчару. Залезла на него и ерзала, подставляясь под его рот. Всеми местами, где он захотел его применить. Отказываюсь звать эти укусы, облизывания, присасывания поцелуями. Поцелуи – это то, в чем должны быть чувства. Это про близость. Значит, не про то, что случилось только что. А случилось всего много, пусть я пока и не имею понятия, как это назвать и уложить в голове.

Ладно, называется это все же, как ни крути, секс. Тот самый момент, когда так и просится наружу ехидно-восхищенное «ах вот ты, оказывается, какой на самом деле!». И если в первый раз меня всю корежило от унижения, потому что, по сути, все происходило насильно, то теперь… Да и теперь я очутилась в этой чертовой квартире наедине с… правильнее, наверное, уже звать его любовником… Любовниками называются люди, когда все происходит почти против воли? Ибо зуб даю, ему самому тяга ко мне была не в тему и не в кайф совершенно. Не настолько я в этих делах неопытна, чтобы

не понять: мой захватчик точно так же не хочет меня хотеть, как и я. Долбаный, мать его, бардак!

Короче, не важно, главное другое. Я была против того, чтобы ехать с ним и служить неким объектом его похоти, бесправным существом. Вздрючилось-пришел-увез-поимел. Но с другой стороны… Могла упереться насмерть. Уйти. Отказаться наотрез, послать, и будь что будет. Но не сделала этого. Потому что мне поперек горла, чтобы было у нас вот так, по-скотски, что ли, но это не отменяло того факта, что от одного вида его меня поколачивать начинало и ноги становились как резина. Желала я его, желала. Повторения всех этих прикосновений. Потери всякого контроля над телом, мыслями, эмоциями. Удовольствия, яростного, острого, интенсивного, в чистом виде. Никакого «до этого» и «потом». Только я. Здесь и сейчас. Срывающая голос, бьющаяся и безумствующая в его захвате. Да, потому что опять же, это не объятия. Не ласки. Такое – это снова про чувства. А их нет. Нет даже четкой картинки у меня в голове пока, с того самого момента, когда он впился ртом в мою кожу. Только вспышки. Вот я трясусь, сидя на тумбе, голая ниже пояса, а его голова между моих бесстыдно распахнутых ног. Проклятый угол мебели больно впивается в ягодицу, но мне плевать. Я поймана, зачарована взглядом этих звериных желтых глаз, которые он не сводит с меня, вытворяя самые грешные вещи своими языком и губами. Что-то шепчет… прямо туда, в меня, черт возьми, но я слов не разберу, потому что нечто огром-

ное накатывает-накатывает, перемалывает меня, вытрясает душу, гнет спину. И сегодня все еще сильнее, чем раньше. Я ведь не сопротивляюсь больше этому, я его желаю, охотно выпрашиваю, цепляясь за его затылок, раскрываясь шире.

Оказалась на постели, еще заходясь в хриплых стонах, почти ослепшая, позволила избавить себя от одежды, будто и правда была его безвольной куклой, сосредоточенная лишь на этих тянущих, сладких волнах во мне, никак не желающая их полностью отпускать. И заскулила жалко и благодарно от того, что мой безжалостный зверь-захватчик помог мне в этом. Вдавил своим весом в матрас, втолкнулся внутрь. Его сразу же так много. Мышцы там, где он входил, сошли с ума, сокращаясь, как если бы хотели не пустить, но это такая же ложь, как и мои слова о том, что секс с ним мне противен. На самом деле, они как будто уже отдрессированные им зверьки, жались, липли, облизывали его пробивавший себе путь член.

Творилось какое-то неизвестное, но от этого не менее уносящее меня куда-то колдовство. Мощный, пронзающий меня до невыносимой глубины толчок – и его рваный стон вливался в меня жгучим импульсом свободного от разума наслаждения. Отражался отовсюду, плескал моим ответным протяжным стоном. И опять. И снова. Так, словно из ниоткуда появилась общая для обоих живая жидкая субстанция чистой эйфории, концентрация которой все повышалась и повышалась, с каждым новым его рывком. И вскоре я сама, уже

не соображая, что творю, подхватила этот волшебный ритм бьющих туда-обратно волн, цепляясь за дарившего их мужчину, усиливая, дотягиваясь все скорее до этого… Да-а-а!!

Взрыв. Меня нет. Ни единой частички. И в то же время вот она я вся, до последней пульсирующей в дикой чувствительности клетки, ощущающая способность своего тела к жадному поглощению удовольствия, как никогда в жизни. Никакой пережитый прежде дурной кайф не сравнится с таким.

Все сначала. Без пауз, остановки, краткой передышки, что даст вздохнуть и позволит чуть снизить температуру нашего сожжения. Я на четвереньках под ним, покорная, прогнувшаяся, как ему нужно. А внутри его будто стало еще больше, уже едва выносимо. Губы, зубы терзают, царапают мои плечи, шею, стриженый загривок, железные пальцы впиваются в бедра, подставляя под безумные, таранящие выпады, а я их принимаю, отдав ему полный контроль и право взорвать меня еще раз. И только умоляю сделать это быстрее, потому что путь к нему – самая сладкая, лишающая разума, но все же мука.

И вот тишина. Только бурное, с хрипом и посвистом наше дыхание. Мы лежим на боку, ладони все еще стискивают, не давая мне свободы, он еще во мне, скользит сквозь судороги внутренних мышц самую малость, но так, словно совсем остановиться не в состоянии. И это едва ощутимое движение – все, что я способна воспринимать еще некото-

рое время. Нет ничего вне: моих проблем дома, отвратительной действительности этих наших уродливых неотношений – вообще любой жизни за пределами этого… да по хрен, как можно назвать.

– Ну и стоило ли так долго тянуть с повторением, куколка? – хриплым ломким голосом спросил волкокот, в пыль разнося безмятежное сладкое нечто без названия.

Все возвратилось и ударило гадкой реальностью мне разом в живот и в голову. Да как так-то? Резко вывернувшись из его захвата и избавившись от его слишком ощутимого присутствия во мне, откатилась и вскочила на ноги, еще ошалевшая. Перед глазами поплыло, меня шатнуло в сторону, колени отказались держать.

– Да что же ты подпрыгиваешь каждый раз, как ошпаренная! – На моем локте сомкнулся твердый захват, и над моим ухом проворчал… сука, как его зовут-то хоть…

– Захар, будем знакомы поближе.

– А я что, спрашивала? – огрызнулась и закашлялась от сухости в горле и сразу почувствовала, как по ногам прям ручьем потекло. – Ты! Ты не надел гребаную резинку?!

Перед глазами прояснилось, и я успела уловить гримасу краткого замешательства на его лице, прежде чем вернулось его вечное выражение заносчивого мудачизма.

– Забыл, – скривившись безэмоционально, констатировал он и ухмыльнулся: – То-то мне и показалось, что все чересчур охренительно было.

– Охренительно? – сорвалась я на крик, дергая руку из клещей его жестких пальцев, пока он не отпустил. – Это все, что тебя, сука, волнует? Что было без защиты круче, чем обычно?!

– Чего ты завелась? – нахмурился он. – На пустом месте.

– На пустом? – Я, блин, как какой-то офонаревший от его козлизма попугай, ей-богу! – То есть болячки и залет – для тебя херня?

– Болячки в нашем с тобой случае не актуальны, – пожал он плечами. – А о том, чтобы ты не залетела, я позабочусь. Нашла проблему. Съездим в клинику к одному моему знакомому хорошему доктору, и все дела.

– О, правда, что ли? Ты позаботишься? То есть ты тупо не вспомнил о резинке, а мне теперь к врачам, жрать какую-то химию или еще черт знает там что будет, а ты не при делах, у тебя просто охерительно классный трах случился? Ты такое небось постоянно с дурами запуганными вроде меня практикуешь?

Меня аж колбасить от психа и его безразличной рожи начало. Заметалась по комнате, собирая одежду, и ломанулась в ванную. Ошиблась дверью, оказался туалет, развернулась и влетела носом в его обнаженную грудь.

– А ну прекрати, Аяна! – схватив меня за плечи, Захар тряхнул сильно, я даже язык прикусила.

– Руки убери! – прошипела, впиваясь взглядом в его желтые бесстыжие зенки.

– Уберу, когда беситься перестанешь.

– Не перестану. До завтра стоять тут будем? – злобно прищурилась я.

– У меня нет желания тратить столько времени на твои дурацкие выкрутасы.

– Так и отвали! Не я тебя сюда тащила и лезла к тебе, – толкнув его что было сил в грудь, сама чуть не хряпнулась на задницу, но вырвалась и хлопнула дверью в ванную перед его носом.

– Я тебя в машину насильно не заволакивал! – выйдя из себя, крикнул он с той стороны, пока я торопливо откручивала вентили. – И запрыгнула еще как сама! Мою голову себе между ног тянула, хрен вырвешься. Ты всего этого не меньше меня хотела!

Меня затошнило от стыда, и, прошептав под нос «пошел ты!», я стала смывать его пот и сперму с себя.

– И со своими дружками бухала и обдалбывалась, так не сильно тогда о здоровье своем переживала! – продолжил он орать. – А тут надо же, прямо трагедия! Я же сказал, что все решу, ну с какого перепугу так беситься-то?

С такого, что всего этого дерьма вообще не должно было случиться. Быстро вытершись, я натянула одежду, матерясь из-за того, что она упорно липла к еще чуть влажной коже, и замешкалась, прежде чем выйти. Где-то в районе желудка появилось сосущее гадостное ощущение, что стремительно вытягивало и уничтожало последние отзвуки пережитого

удовольствия.

Захар стоял снаружи, уже одетый, прислонившись мощным плечом к стене, и уставился мне в лицо, сильно хмурясь. Отвернувшись, я собрала из разных углов прихожей свои ботинки и, обувшись, попыталась разобраться с дверным замком.

– Кончай, блин, это! – рявкнул он, заставив вздрогнуть и сжаться. – Да что ты так дергаешься-то?

– Выпусти.

– Мы выходим вместе. Хорош пениться! Отсюда сразу в клинику.

– Я сама, – уперлась лбом в железную дверь. Мне нужно выйти отсюда, или задохнусь. Нужно быть от него как можно дальше.

– Не сама! Мне надо знать, что все нормально.

Злость начала трансформироваться в какое-то извращенное веселье.

– А, ну да, точно! – развернувшись, я с издевкой уставилась на него. – А то вдруг же я залечу, ребенка опять же оставлю, а потом явлюсь мильены твои требовать!

– Прекрати ерничать. Я похож на того, кого может хоть чем-то напугать кто-то вроде тебя?

– Вроде меня – это «никто и никчемный паразит»? Правильно, с такими у тебя же разговор короткий. В лесу прикопать, или на дно реки отправить, или там извращугам на потеху продать!

Гневно выдохнув, Захар закатил глаза.

– Так, хватит. Мне всего этого нервотрепного дерьма и в своей семье хватает!

Подцепив пальто, он стиснул мой локоть до боли и открыл дверь.

– Топай молча! – приказал он, толкая к лифту.

До машины он меня почти доволок, и до клиники мы ехали в гробовом молчании. Дальше меня ждал новый сеанс унижения, когда пришлось лезть на кресло и терпеть манипуляции врачихи, пялившейся на меня понимающе презрительно. Вручив мне таблетки и велев их пить пять дней, она ушла из кабинета, оставив одеваться. Если и до того было противней некуда, то теперь даже морозить стало от какого-то опустошения.

Захар сидел развалившись в мягком кресле в коридоре, а докторица стояла рядом, что-то вещая ему на ухо и мерзко ухмыляясь. Я прошла мимо, но он быстро догнал меня и опять схватил за локоть, что уже и болеть начал от этих его захватов-тисков.

– Я такси тебе вызвал, – холодно сказал на крыльце, кивнув на стоявшую неподалеку машину. Достав бумажник, вытащил несколько пятитысячных купюр и протянул мне. – А это тебе в качестве успокоительного и как стимул быть при следующей встрече поприветливее. И купи, черт возьми, себе нормальные шмотки, в которых ты будешь на девушку похожа хоть немного.

Я смотрела на его руку с деньгами и чувствовала, что меня вот-вот вырвет. Уже реально. Захар потянулся сунуть их мне в карман самостоятельно, и я шарахнулась, чуть не навернувшись с лестницы.

– Урод! – выдавила из себя и сбежала по ступенькам, но он опять догнал.

– Только вот не надо тут из себя оскорбленную гордость корчить, Аяна! Таким, как ты, это не к лицу. Вы же по чужим карманам и домам чисто от врожденной порядочности лазили, да? Бери деньги, сказал!

– Оставь в счет нашего долга тебе! – огрызнулась через плечо. – Все же на раз меньше под тебя ложиться придется!

Вцепившись в мое плечо, он развернул меня, насильно дотолкал до такси и грубо запихнул внутрь. Стиснув подбородок, обжег голодным взглядом мои губы, с нажимом проведя по ним большим пальцем, и гулко сглотнул.

– Ляжешь столько раз, сколько мне захочется.

Шарахнул дверцей, едва не оглушив, и стукнул кулаком по крыше, веля водителю трогаться.

Глава 13

Я рванул от клиники, аж покрышки задымились, как только задние фонари ее такси исчезли за поворотом. Надо ехать домой, хлопнуть перед сном стакан вискаря и завалиться спать, оставляя всю муть сегодняшнего дня в прошлом. Ведь я чертовски устал. От всего. Еще эта кукла гадская! Всего-то мне и надо было, что трахнуть ее, снизить это проклятое давление в черепушке и яйцах. Примитивное действо, что проделывал несчетное количество раз: снял бабу, отодрал, расслабился, завтра и не вспомнил ни лица, ни имени. Но вышел какой-то хренов бардак! Каждый раз, когда дело касается этой мелкой, смертельно ядовитой для меня поганки, он тут как тут.

В башке прямо не укладывается, как я про презерватив мог забыть. Такого не было никогда. Никогда вообще. Даже в юности, когда членом только и думал, пока не наелся и секс не перестал быть чем-то из разряда первоочередных задач. Да я уверен, что даже мой укурок и раздолбай брат ни разу в жизни не забывал натянуть резинку в любом состоянии, потому что заделать ребенка человеческой женщине – это хреново, а для кого-то из отпрысков семейств нашего круга – хреновей в десять раз. Такое не замнешь по-тихому, не в нынешние времена мгновенного распространения сплетен в сети и сраных ток-шоу на каждом канале типа «ДНК». В

прежние века оборотни, не заморачиваясь, просто похищали таких вот детей-оплошностей у их матерей, а сейчас такое попробуй проверни. Нет полукровного ублюдка – нет и проблемы. То есть похитить и спрятать, конечно, по-прежнему ничего сложного, но огласки это избежать уже не позволит.

Но не сам мой косяк, что уже был, по сути, устранен, продолжал дергать меня за нервы. Как заверила меня госпожа Самсонова, ведущий специалист частной клиники, которую нашей конторе как-то пришлось защищать от разгневанного мужика, потерявшего там и жену, и ребенка, даже если Аяна выбросит таблетки, вероятность ее залета практически нулевая.

Меня все так же, а то и сильнее грыз плотский голод. Так, словно тот единственный раз, невзирая на всю насыщенность и мощь разрядки, был лишь разжигающей аппетит закуской. И мою мультяху от этого хотелось еще больше. Мне мало! Пофиг на ее псих и дерзость, какую не спустил бы кому другому. Пофиг на то, что все так же бесила всем: манерой говорить и одеваться, отрицанием своей похоти, что в ней как бы не больше, чем во мне, необходимостью преследовать ее, будто я какой-то жалкий лузер, и мне только и дают что по принуждению. Бесила этим своим отказом деньги взять. Взглядом, будто я ее по лицу ударил или плюнул, а не бабок дал столько, сколько она в том супермаркете за месяц не получит. Типа, у нее есть принципы и гордость. Как же! В чужие карманы и дома лазить эти принципы ей позволяют,

ничего не жмет, а у меня взять – прямо оскорбление! Другая бы руки целовала и спросила, когда следующий раз, а эта… Ишь ты, «на раз меньше ложиться под тебя»! Бесит, говорю же. И волк этот бесит, что ворочается под кожей. Чего тебе надо, зверюга? Погулять? Не сегодня уж точно. Не в таком взведенном до предела состоянии. Нет желания обнаружить себя потом под утро в том районе, где живет Аяна с этими… Вот тоже бесит! Как, черт возьми, они нормально уживаются в однушке?

Одна ванная, общая кухня, спят в одной комнате. Светят утренними стояками перед ней. Вдыхают запах, когда ее посещают эротические сны. Плевать, что принято считать , что люди такого не способны учуять. Меня выводит из себя сам факт, что рядом с ней, в одном помещении может находиться другой членоносец, когда между ее ног станет снова мокро. Это моя чертова кукла, протекать и источать ароматы ей позволено исключительно для меня.

На полу с пассажирской стороны что-то засветилось, загудело, и я злорадно оскалился. Моя кукла выронила свой телефон! Ну прекрасно, вот и возможность узнать о тебе многое. У молодежи сейчас же там все. И не приведи бог найду я там какую-нибудь переписку пикантного характера!

Подхватив гаджет, припарковал авто на свое место на подземной парковке и сразу тыкнул в экран, едва вошел в лифт. Никакого тебе пароля, ай-ай-ай, анимэшка, кто же сейчас так беспечен? Ну-ка, что тут у нас? Десятка два непринятых

вызовов. Сазан, Шмель, Мелкий. Гребаные друзья все извелись, да? Ну ничего, я найду способ их от тебя отсовокупить, детка. Моей кукле друзья ни к чему, тем более, что как минимум один уже был пойман мною на запахе похоти к тебе.

Эсэмэс: «Я у входа», «Алле!», «Ты где?», «Какого хера, Лимонка, отзовись», «Перезвони, или найду и бошку открючу!». Смотри, чтобы тебе самому ручонки с ножонками не открутили, говнюк. Голосовые, все в том же духе. Какая, бля, забота! Ненадолго это, ребятки, забывайте об этом.

Разделся, не выпуская телефон из рук. Залез в ее аккаунт в соцсети и там первым делом прошелся по сообщения. Ну и что за херня? Опять все те же рожи и личности. Она что, кроме этой троицы ни с кем и не общается? Сунулся на саму страницу, ожидая найти там обычную для баб лабуду: фоточки себя везде, где побывала, фото жратвы, фото с гулянок и из клубов. Что там еще бывает? Котики, псевдомудрые чужие изречения, язвительные посты, какие мужики козлы.

Фото были, но совсем не те, что я ожидал. Ерунда какая-то. Ни о чем. Отблески уличных фонарей в лужах, на мокрых боках припаркованных тачек. Черные резные очертания последнего кленового листа на ветке на фоне яркого пятна от одинокой лампочки над каким-то занюханным подъездом. Здоровенная страхолюдная дворняга, скрутившаяся прямо на люке канализации, из дыры в котором поднимался бледный пар, и поверх нее такая же страшная плешивая кошка, что с какой-то душераздирающей пристально-

стью пялилась прямо в камеру.

– Что за фигня? – раздраженно пробормотал, скидывая остатки одежды и падая на диван. – Покажи мне себя, кукляха! На кой мне вот это все?

Пролистал дальше. Причудливые очертания клубов сигаретного дыма, преломляющие резкие безжизненные лучи фонарей и придающие им какой-то загадочный вид. Радужные переливы на шее слегка безумно выглядящего самца голубя, подметающего грязный асфальт распущенным хвостом перед невзрачной на вид самкой. Господи, ну кому в двадцать лет может быть интересно фотографировать этих городских летающих помоечных крыс, еще и крупным планом? Глаз того же голубя, темный, насыщенный, коричневый в ободке желто-оранжевого… хм… и не замечал, какие они. На кой?

Целая огромная куча разномастных голубей, сплошным ковром выстлавших тротуар у ног кормящей этих паразитов тщедушной бабульки. Морщинистые руки бабки в пигментных пятнах, щедро рассыпающие пшено из магазинной пачки. Сотни лучиков-складочек вокруг ее же почти бесцветных от возраста глаз, из которых на тебя буквально истекает нечто грустно-улыбчивое.

Проснулся я от заоравшего будильника, все так же на диване, голышом, так и не принявший душ, весь в аромате моего с мультяхой секса с головы до ног и с ее севшим телефоном в руке. Это уже какая-то нездоровая фигня. Как, впро-

чем, и все, что происходит со мной с появлением этой заразы. А если ты не здоров, то нужно лечиться. И, исходя из вчерашнего безумия, не от случая к случаю, а полноценным курсом – обратное только все усугубляет, судя по тому, что так и подмывает передернуть на вчерашние воспоминания. А значит это что? Правильно, Аяне все же быть моей постоянной любовницей-игрушкой на какое-то время, причем самым что ни на есть плотным образом. Авось, если регулярно и ежедневно применять ее по прямому назначению, меня и быстренько отпустит. А нет, так и хрен с ним. Будем и дальше трахаться по мере моей необходимости.

Люблю я, когда перспективы для меня ясны и остается только двигаться к достижению цели, и вдвойне приятно, что в случае с Аяной особенно щепетильно средства на пути к ней выбирать не нужно. Уж после того, как у нас началось, любое мое действие в отношении нее будет приправлено налетом первоначального насилия, так что и не хрен церемониться и заморачиваться о том, как устранить тот ущерб.

Настроение у меня стремительно поползло вверх в предвкушении скорого прекращения периода моей постоянной неудовлетворенности, зацикленной на одной тощей глазастой выдре, но тут позвонила Алана. Закон моей чертовой жизни: если тебе отчего-то вдруг становится хорошо и радостно, то всегда найдутся желающие это обосрать.

– Захарка, привет! – прощебетала она, и у меня, как обычно, свело челюсти и от этого гребаного «Захарки», и от ее

чрезмерно оптимистичного тона. – Ты еще дома?

Вопрос мне не понравился – явно с подвохом, и поэтому я проворчал нечто нечленораздельное, пытаясь угадать, где сейчас быть более стратегически выгодно мне: дома или как можно дальше от него.

– Я тогда поднимусь.

Что, блин? Какого черта дочурка Мазуровых, она же моя без пяти минут пожизненная гиря на шею, которая, насколько я знаю, никогда раньше обеда глаз не размыкает, приперлась ко мне в шесть утра? Я был в одном полотенце после душа и бросился одеваться на скорость. Ни хрена мне не надо предстать перед ней почти голым, и не из-за природной стыдливости или потому что я внезапно разлюбил спонтанный секс. Но секс с бабой, столько лет для всех пребывающей в статусе моей невесты, способен в мгновение ока обратить ее в мою жену. А мне это прямо сейчас надо? Ни черта. И коню понятно, что когда-нибудь это случится, но спать с ней сейчас, да еще в моей квартире – это все равно что сказать вслух: «Можешь припираться в любое время, дорогая. И какие там цветы ты выбрала уже для торжества?» А я намерен от этого откручиваться сколько смогу, так что, когда Алана позвонила в дверь, я вышел встречать ее с нарочито озабоченно-деловым видом и якобы на ходу завязывая галстук. Офигенная мы парочка: она вечно изображает зубодробительный оптимизм и добродушие, являясь на самом деле той еще ядовитой на язык стервой, а я – вечную заня-

тость работой и хорошего парня, частенько решающего чужие проблемы, коим и близко не являюсь, уж не безвозмездно точно, и не после моего аварийного столкновения с мультяхой Аяной. Я теперь, сука, мерзавец, что собирается подмять под себя девчонку, и мне ничуть не стыдно.

Но скоростное одевание с целью пресечь всякие возможные поползновения Аланы по моему соблазнению оказалось, собственно, без надобности. Потому как явилась она не одна, а с какой-то зареванной подруженцией, и, судя по амбрэ от обеих, ночь они провели в каком-нибудь клубе в тесной компании с выпивкой.

– Дорогой! – подскочив, Алана клюнула меня в щеку, но потом замерла и вдруг смачно поцеловала в шею, что совсем не тянуло на простое приветствие, да еще при свидетелях. – Познакомься, это Лена, моя хорошая подруга, и ей очень необходима твоя профессиональная помощь.

Лицо девицы мне было знакомо. Да и фамилия тоже. Случалось пересекаться и раньше на разного рода пафосных мероприятиях. Если правильно помню, ее папаша – какой-то там политик. И, представляя ее, Алана не смотрела даже ни на меня, ни на нее, а шарила цепким взглядом вокруг и явно принюхивалась.

– Если нужна была профессиональная помощь, то стоило приходить сразу в офис. – Кажется, я прозвучал не слишком любезно. Лена всхлипнула, и я только сейчас заметил ее красные глаза и припухший нос. Ненавижу зареванных баб.

– Тут дело весьма деликатное, – вцепилась в мой локоть Алана, нарочно притираясь грудью сквозь тонкое облегающее платье. – Лена поделилась со мной одной крайне неприятной ситуацией, и я ей сказала, что ты, без сомнения, поможешь ей с этим, и мы сразу помчались к тебе. Пригласишь нас?

А, ну ясно: тут у нас попытка пометить меня и мою территорию, воспользовавшись благовидным предлогом. Но похрен, насколько говнюком невежливым и бесчувственной скотиной я буду выглядеть, но пока обломайся, дорогая.

– Алана, милая, повторюсь, что вам стоило приходить сразу в офис, потому как там я и провожу большую часть своего времени, и мне необходимо убегать прямо сейчас, – торопливо завязав-таки галстук, я схватил пальто из шкафа, и тут на меня пахнуло ароматом Аяны, терпким, дразнящим ее возбуждением, и даже дыхание перехватило. И не у одного меня. Но опять же – плевать. Мы с Аланой слишком хорошо знаем правила этих игр среди нам подобных. – Но если вы не против, то я готов подвезти вас и выслушать по дороге весьма внимательно суть вашей проблемы.

Моя пара вроде и хотела бы возразить, но ее заплаканная подружка послушно закивала, и, довольно ухмыльнувшись им в спины, я через минуту уже подталкивал обеих к лифту.

– Итак, я весь внимание, – кивнул Лене, мельком глянув на нее в зеркало заднего вида.

Желудок свело, жрать захотелось и кофе, надо же было

этим припереться!

– Ну давай же, мой Захарка все сохранит в тайне, не сомневайся! – ободрила Алана сопящую подругу, и я аж скрипнул зубами.

Захарка, бля, пока свой собственный.

– Тут такое дело, – промямлила наконец осипшим от слез голосом Лена. – Я… так уж вышло… Ну, в общем, я случайно переспала с парнем… то есть не переспала, а мы вроде как встречались… но не суть, просто внезапно выяснилось, что ему всего пятнадцать. А его брат обвиняет меня теперь в растлении и грозит скандалом…

– И требует денег, – хмыкнул я.

– Да-а-а!

– Ну так заплати.

Глава 14

По вечернему городу и без пробок дорога от клиники до моего дома заняла всего-то каких-то пятнадцать минут, явно недостаточных для того, чтобы я перестала вся кипеть. Водила с навязчивым любопытством разглядывал меня в зеркало до тех пор, пока по-звериному не показала ему зубы. Точно решил, что я психованная. И не был так уж не прав. Разве я нормальная? Первый раз трахнули как сучку-дворнягу. Поймал на улице, имел как хотел. Так нет же, мне мало оказалось, да? Я с какого-то перепугу на него сама и второй раз полезла. Ой, не надо тут, типа, увез-соблазнил! Сама, еще как сама. Он только в торговом зале появился, а у меня тут же коленки как резиновые стали. Но, блин, почему-у-у?! Он со мной как с дерьмом ведь, как со шкурой какой-то… Хрен с ней, с той резинкой. Я, перепсиховав, вроде как по-дурацки польщенной, что ли, даже себя ощутила. Ну, типа, так меня мужик захотел, что вообще башню снесло и о защите не вспомнил. Скотство, конечно, как и вся наша ушлепочная ситуация, но где-то что-то там заскреблось, отдаленно похожее на гордость собой. Быть так сильно желанной кем-то, пусть даже вот таким уродом моральным… ну это для меня впервые, и что-то в этом есть. И да, я в курсе, насколько это далеко от нормальности и тех отношений людских, что себе представляла и видела вокруг и примеря-

ла на себя. Ну а с другой стороны, вон отец мать сколько лет мордует, а она ничего и слышать никогда о разводе не хотела и все талдычит, что его любит. Сколько раз от нее еще и получала за уговоры его бросить. Может, у меня какая-то наследственная кривая извилина?

Но не важно. Все эти размышления обесценивали те самые бабки, что он сунул мне в качестве «успокоительного». Тварь! Будто я ему прости господи какая-то. Еще и издевался. Ну не праведным путем мы до этого на жизнь себе раздобывали, но украсть – это не то же самое, что ноги за деньги раздвигать. Для меня уж точно. Я, зараза, ведь уже на каком-то уровне почти смиряться стала с тем, что хочу его и ничего не поделать, а тут это. Разве нельзя было… ну не знаю, предложить мне нечто по-человечески. Нет, ну понятно, что не «давай встречаться». И однозначно я бы взбрыкнула и послала… в первый раз. И без понятия, что ему следовало бы сказать. Но алле! Он взрослый мужик, сколько у него баб-то было, пусть бы нарыл в своих закромах пикапа нужные слова. А там глядишь, через время до меня бы и дошло, что же это за силища такая непонятная, которая меня к нему тянет с такой дурью и всякой воли, гордости и вообще контроля над собой лишает. Будто я не я становлюсь, сука, Чужой, какой-то до звездеца озабоченный так и лезет, готовый в этого Захара вцепляться и требовать вытворять все эти порочные вещи снова и снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.